

Н. И. КОНРАД

О КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Два года назад, 9 мая 1950 г., в газете «Правда» началась дискуссия по вопросам языкознания. В ходе этой дискуссии ее участники, разбирая положение Н. Я. Марра о так называемых «лингвистических стадиях», приводили марровскую схему распределения языков по «периодам их возникновения», полная несостоятельность которой была затем вскрыта И. В. Сталиным. В этой схеме китайский язык отнесен к «языкам системы первичного периода»¹.

Согласно всему смыслу этой схемы, понятие «периода» (у Н. Я. Марра их четыре: первичный, вторичный, третичный, четвертичный) относится одновременно и к истории — эпохе возникновения какого-либо языка, и к его состоянию, достигнутому им в своем развитии уровню; иначе говоря, отнесение какого-либо языка к тому или иному периоду призвано давать ответ одновременно на два вопроса: когда этот язык возник и какой степени развития он достиг. Отнесение китайского языка к языкам «системы первичного периода» означает, следовательно, во-первых, что он, этот китайский язык, принадлежит к числу древнейших языков мира, во-вторых, что его строй и сейчас принадлежит к типу, свойственному языкам «первичного», т. е. начального, периода развития языков вообще.

В свое время Н. Я. Марру пришлось, конечно, объяснить, как получается, что язык, имеющий долгую историю, вообще может серьезно не меняться, может все время оставаться, по выражению Н. Я. Марра, в рамках той системы, в которой он возник. Н. Я. Марр дает такое объяснение, исходя из ошибочного положения об единстве глоттогонического процесса: язык, зародившийся в одной системе, может перейти в другую; в этом случае к другой системе его приводят те изменения, которые он претерпевает в общем глоттогоническом процессе; такой переход для языков системы первичного периода, например, для китайского, означал бы включение его в систему языков вторичного периода, представителями которой Н. Я. Марр считал языки угро-финские, тюркские, монгольские. Дальнейшее развитие мирового языкотворческого процесса, — процесса, в котором участвовал бы и китайский язык, — привело бы китайский язык в систему языков третичного периода, представителями которой Н. Я. Марр считал «пережившие яфетические языки» и языки хамитические. Так как в схеме дано только четыре периода, дело могло бы закончиться — по крайней мере, для нашего времени — тем, что китайский

¹ См. Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, Избр. работы, т. II, стр. 405.

язык перешел бы в систему языков четвертичного периода, т. е. присоединился бы к языкам семитическим и индоевропейским.

Однако, по Н. Я. Марру, китайский язык ничего этого не проделал, а остался в рамках системы первичного периода. Почему же так произошло? Ответ на такой вопрос следует искать в другом ошибочном положении Н. Я. Марра — в положении об отрыве какого-нибудь языка от общего развития той системы, к которой он сначала принадлежал; она, эта система, шла вперед, а один из языков этой системы остался позади и тем самым выпал из общего движения системы.

Объяснение, почему так случается, мы находим в третьем ошибочном положении: о возможности «отпадения некоторых народов от общего мирового движения»; а если какой-нибудь народ отпал от этого движения, тем самым выпал из общего языкотворческого процесса и язык этого народа. Китайский язык остался в состоянии, характерном для языков «системы первичного периода» именно потому, что он оторвался от общего развития своей изначальной системы, и оторвался он потому, что китайский народ «отпал» от «общего мирового движения».

Допустим на минуту, что китайский народ когда-то действительно «отпал от общего мирового движения». Этим самым Китай превратился бы в отсталую страну. Однако к тому времени, когда Н. Я. Марр писал статью «Как трудно быть лингвистом-теоретиком», — а это было в 1927 г., — китайский народ уже свергнул в 1911 г. маньчжурскую династию и с ней монархию, уже вел с 1919 г. революционную борьбу за свое освобождение, борьбу, направленную против своей внутренней реакции и против западно-европейского и американского империализма. Размах этой борьбы, ее значение еще в 1925 г. определил И. В. Сталин: «Силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем»². И, как мы видели собственными глазами, эти слова оправдались целиком: революция в Китае победила и ее победа вывела китайский народ в первый ряд передовых народов всего мира.

Конечно, Н. Я. Марр, несомненно знавший оценку сил китайской революции, данную И. В. Сталиным, понимал, что китайский народ не только вообще участвует в «обще-мировом движении», но и участвует в нем самым активным образом. Н. Я. Марр оставил китайский язык в системе первичного периода потому, что находился во власти созданной им теории, согласно которой народ, однажды отпавший от общего мирового движения, может снова присоединиться к нему, но язык этого народа как бы застывает в том состоянии, в котором он находился в момент своего отрыва.

Таким образом, и получается, что как бы ни был вовлечен китайский народ — хотя бы в современную нам эпоху — в «общее мировое движение», как бы ни приблизился китайский язык к «средиземноморскому центру языкотворчества», тому центру, который Н. Я. Марр считал как бы источником всего поступательного движения языков, это ни к чему привести не могло: он, этот язык, осужден оставаться в том же состоянии, в каком был, когда он оторвался от общего развития всей системы.

Примем на минуту все эти положения Н. Я. Марра и сделаем из них естественно вытекающие выводы.

Допустим, что язык какого-нибудь народа в наше время пребывает в окаменелом состоянии, т. е. является таким же, каким он был в период своего сложения. Н. Я. Марр считает, что это не препятствует данному народу проходить «новый исторический путь своего высокого культурного развития»³. Это значит, что даже этот окаменевший в своем первоначаль-

² И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 293.

³ Н. Я. Марр, Избр. раб., т. II, стр. 135.

ном состоянии язык вполне способен обслуживать все новые и самые сложные потребности общественной жизни и культуры. Отсюда следует, что строй языка не имеет значения для способности языков обслуживать нужды культуры, что язык даже со строем, характерным для языков первичного периода, может удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к языку самой высокой культуры. Таков первый вывод, который по необходимости вытекает из положений Н. Я. Марра.

Но схема четырех периодов у Н. Я. Марра несомненно основана на представлении о стадильном развитии языков, в котором каждый период образует новую, более высокую ступень этого развития, чем предыдущий. Это явствует хотя бы из того, что Н. Я. Марр характеризует появление индоевропейских языков как языков системы четвертичного периода, более сложной, вызванной при этом, по его мнению, переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства. Этим самым Н. Я. Марр утверждает, что если поднимается на более высокую ступень общественное развитие, поднимается на более высокую ступень и язык. А такое развитие языка выражается в переходе его в новую систему. Таков второй вывод, естественно вытекающий из общих положений Н. Я. Марра.

Но если язык любой системы, даже «окаменевший» на стадии первичного периода, может служить своему народу, когда он проходит, по выражению Н. Я. Марра, «новый исторический путь своего высокого культурного развития», — как это примирить с положением о том, что «переворот в общественности в зависимости от новых форм производства», т. е. переход на новую, более высокую ступень общественного развития, влечет за собой и переход языка на новую, более высокую ступень развития. Противоречие очевидное.

В основе его, как нам кажется, лежит столкновение между предвзятой идеей о стадильном развитии языков и наблюдением реальных фактов. Н. Я. Марр, с одной стороны, хотел обязательно видеть, что языки в едином языкотворческом процессе проходят различные стадии, поднимаясь с одной ступени развития, более низкой, на другую, более высокую, и что эти переходы соответствуют «переворотам в общественности в зависимости от новых форм производства»; с другой стороны, он не мог не видеть, что и языки, «окаменевшие» в состоянии, характерном, как он думал, для низших стадий, тем не менее превосходно обслуживают свои народы в строительстве такой же культуры, как и у народов — носителей языков высших, по Н. Я. Марру, стадий. Этот факт, ясный для самого Н. Я. Марра, должен был бы, казалось, поколебать его положение о стадильном развитии языков в смысле перехода их от низших стадий к высшим. Этого, однако, не получилось. А именно этот факт и является решающим для установления правильной точки зрения на роль строя языка какого-либо народа в деле создания народом культуры.

Противоречие это особенно ясно проявляется именно на примере китайского языка. Н. Я. Марр причислил китайский язык к системе языков первичного периода. Он должен был, конечно, чем-то обосновать такое причисление. Таким обоснованием для него послужило бывшее у него представление о китайском языке как о моносиллабическом, полисемантическом, аморфном. Иначе говоря, он полагал, что слова китайского языка односложны, что каждое слово вмещает в себя массу значений, что эти слова не имеют никаких грамматических форм.

Такие языки, т. е. языки аморфно-синтетического типа (как и агглютинативные), являются для Н. Я. Марра «пережиточными от разных эпох глоттогонии, эпохи творчества языковых видов, реликтовыми видами»⁴.

⁴ Н. Я. Марр, Избр. раб., т. I, стр. 89—90.

Но вместе с тем оказывается, что этот наиболее примитивный для Н. Я. Марра тип языка, как и следующий за ним, по Н. Я. Марру, по лестнице усложнения, агглютинативный тип, способен наилучшим образом удовлетворять потребности народа столь же высокой культуры, как и культуры народов с языками флективного типа. Это удостоверяется наблюдаемыми нами реальными историческими фактами. Сам Н. Я. Марр допускал это.

Однако, допуская это, он не замечал, что эти факты и само допущение их входят в непримиримое противоречие с положением о пережиточных, «реликтовых видах» языков. Согласовать эти два положения нельзя: если язык примитивен, он не может обслужить запросы народа с высоко-развитой культурой; если же язык обслуживает такие запросы, он не примитивен, каким бы он по своему строю ни был. Поэтому, если китайский язык служил и служит превосходным орудием действительно высокой культуры, то, конечно, совершенно очевидно, что он отнюдь не примитивен.

Реальная история китайского языка и его современное состояние не только явственно вскрывают это коренное противоречие в положениях Н. Я. Марра, но и опрокидывают всю придуманную им схему — во всех ее основных элементах.

2

Остановимся прежде всего на вопросе об отрыве китайского языка от общего мирового языктворческого процесса, как об основной причине его принадлежности к системе языков первичного периода. По Н. Я. Марру, это должно быть связано с обязательным отпадением народа от «общего мирового движения».

Однако история свидетельствует иное. Начиная с эпохи Чжоуского царства (с конца 2-го тысячелетия до н. э.), от которой сохранились вполне надежные исторические данные, жизнь китайцев проходит в непрерывном взаимодействии с соседними кочевыми племенами, круг которых в дальнейшем неуклонно расширялся. Мы находим среди них племена, которые по нынешним этнографическим обозначениям относят к тунгусскому этническому корню, к монгольскому, к тюркскому, к тибетскому; находим и племена, заселявшие тогда Индо-Китай. Это означает, что китайский язык развивался в окружении языков маньчжуро-тунгусской, монгольской, тюркской, тибетской групп.

Не был изолирован китайский язык и от языков Индии. Буддизм, начавший проникать в Китай в первом столетии до н. э., принес с собой в дальнейшем знание санскрита. В начале V века н. э. был закончен перевод на китайский язык всего буддийского канона. Китайские буддийские монахи знали и живые языки Индии: китайские паломники бывали там, появлялись индийские буддисты и в Китае. Таким образом, о какой-либо оторванности китайского языка от других языков — и притом самых различных — говорить нельзя. При этом, если в лице языка тибетского и языков населения Индо-Китая китайский язык сталкивался с языками, называемыми у нас аморфно-синтетическими, т. е. с языками «своей системы», то в лице языков маньчжуро-тунгусских и тюркских он имел перед собой языки агглютинативного типа, а в лице санскрита он соприкасался и с языками флективного типа. Таким образом, нет оснований считать китайский язык как-то оторвавшимся от общей истории языков, да еще видеть в этом его отставание. Таково первое конкретно-историческое доказательство беспочвенности положения Н. Я. Марра об отрыве языков.

На основе концепции Н. Я. Марра мы не получаем также объяснения того, почему маньчжуро-тунгусские, монгольские и тюркские языки оказываются более развитыми языками вторичного периода, несмотря на то,

что племена, их носители, были кочевыми и даже охотничьими в то время, когда у китайского народа была уже многовековая эпоха оседлой жизни, эпоха большой культуры, когда у него уже давно сложилось государство. А если не жизнь, не общественное развитие, не культура движет развитием языка, то что же? Так ведь думал и сам Н. Я. Марр. Тогда как же могло у него получиться, что языки монгольской, тунгусской и тюркской групп оказались языками системы вторичного периода, т. е., по его толкованию, более развитыми, чем китайский? Несостоятельность стадияльной схемы Н. Я. Марра становится ясной при первом же соприкосновении с конкретной историей народов и их языков.

Наконец, последнее.

История китайского языка нам известна более, чем за три тысячи лет. Датированные памятники непрерывной цепью идут с VII в. до н. э. Эти памятники — самые разнообразные; они отражают все стороны культурной жизни китайского народа. Среди них — огромная философская литература, особенно отчетливо передающая размах и силу теоретической мысли. Если бы она, эта литература, была более известна у нас, мы увидели бы, что развитие теоретической мысли в древнем и средневековом Китае ни в какой мере не уступает прославленным проявлениям этой мысли в древней Греции, в средневековой Европе, в мусульманском мире Средних веков. И в новейшее время, в нашу эпоху теоретическая мысль в области обществознания нашла в Китае свое новое и высокое выражение в трудах Сунь Ят-сэна и Мао Цзэ-дуна. Как мы хорошо знаем, труды Мао Цзэ-дуна по своему содержанию принадлежат к числу наиболее передовых проявлений общественной мысли нашего времени.

Все это свидетельствует о том, что китайский язык уже с древних времен был полноценным средством выражения сложной человеческой мысли, что сейчас он по мощи своих средств стоит в ряду самых развитых языков мира. Достаточно сказать, что на китайский язык переведены труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, переведены при этом так же без затруднений, как переведены они, например, на язык немецкий или французский. Достаточно сказать, что и любая работа, скажем, по ядерной физике, может быть написана на китайском языке так же легко, как она пишется на любом другом из культурных языков мира. Это обстоятельство с новой стороны показывает, что схема распределения языков по периодам их возникновения с вытекающим отсюда следствием — разноценностью их по степени их развития — вообще беспочвенна.

3

Что собой представляет китайский язык? С самого же начала добавим: современный китайский язык. В дальнейшем мы будем говорить только о нем.

Но в наше время сказать только «современный китайский язык» еще недостаточно. Учение И. В. Сталина о языке требует от нас точности. В данном случае эта точность заключается в определении: что такое тот современный китайский язык, о котором будет идти речь, — язык племени, народности, нации? Ответим сразу же: речь будет о китайском национальном языке в точном, историческом смысле этого понятия.

Следует сказать, что вопрос о китайском национальном языке не столь ясен и прост. Возможны сомнения в том, можно ли вообще говорить в наше время о национальном языке в Китае в том смысле, в каком понимает национальный язык марксистское языкознание. Национальный язык — принадлежность нации. Но можно ли говорить о нации в Китае? Нация есть историческая категория, складывающаяся в эпоху поднимающегося

капитализма. Но с середины XIX в. Китай, бывший тогда в своей основе феодальной страной, превратился в полуколонию западноевропейского и американского капитализма. Это обстоятельство задержало распад феодализма и замедлило рост национального капитализма, в значительной мере направив его развитие по компрадорскому, т. е. самому хищническому для своей страны, пути. Насколько слабым было буржуазное развитие Китая, свидетельствует тот факт, что даже в 1919 г. развернувшееся тогда широкое национально-освободительное движение выступило с лозунгом борьбы не только с иностранным империализмом, но и с собственным феодализмом. Такое положение, естественно, задерживало развитие нации в Китае, а тем самым и приобретение китайским языком характера языка нации. И дело здесь не в том, что продолжали существовать многочисленные диалекты; диалекты в какой-то мере сохраняются и тогда, когда национальный язык уже полностью образовался и даже долгое время существует. Дело и не в том, что продолжал существовать старый письменный литературный язык; такого рода старые письменные литературные языки в странах Востока на некоторое время удерживаются даже тогда, когда в этих странах уже не только полностью сформировался, но и господствует новый литературный язык, т. е. литературная норма национального языка. Главное состояло в том, что как будто бы отсутствовало основное условие для развития национального языка: утверждение и рост нации как определенной исторической категории, связанной с установлением в стране капитализма.

И тем не менее факт налицо: конкретная историческая действительность в современном нам Китае свидетельствует, что китайский язык развивается именно как национальный. В чем же дело? Ответ на этот вопрос может быть таков.

Как бы ни был замедлен в Китае рост элементов капитализма, все же эти элементы развивались, и притом уже с давних пор. Процветающий класс ремесленников и торговцев мы находим в Китае еще во времена Танской империи (VII—X вв.). Особо широкое развитие ремесло и торговля получили в период монгольского владычества (XIII—XIV вв.). С этого времени этот класс медленно, но неуклонно рос. В период маньчжурской (цинской) династии, т. е. в XVII—XIX вв., буржуазия в Китае уже играла серьезную роль и в экономической, и в политической, и в культурной жизни страны. Режим этой династии вместе с самой династией был свергнут революцией 1911 г., бывшей одним из проявлений того пробуждения Азии, которое произошло под влиянием русской революции 1905 г. Свержение монархии и установление республики было делом всего китайского народа, но одновременно свидетельствовало и о возросших силах буржуазии. Эта буржуазия в те годы спешно вооружалась и необходимым для нее идеологическим оружием, с которым она могла бы вступить в бой с конфуцианством, представлявшим официальную идеологию цинского феодализма. Мао Цзэ-дун в одной из своих работ точно указал, что тогда составляло это идеологическое оружие китайской буржуазии: «В те годы то, что именовалось школой, новой наукой, западной наукой, в основном представляло буржуазное естествознание и буржуазное обществоведение: эволюционная теория Дарвина, классическая политическая экономия Адама Смита, формальная логика Милля, литература французского просвещения — общественная теория Монтескье и естествознание. Именно это все и составило господствующие идеи так называемой новой науки»⁵. Мао Цзэ-дун добавляет при этом, что для Китая того времени, все еще оставав-

⁵ Мао Цзэ-дун, Движение 4 Мая, сб. «К тридцатилетию „4 Мая“», Синьхуа шудянь, 1949, стр. 4.

шегося в основном феодальным, это просвещение, эти идеи имели тогда революционное значение. Таким образом, наличие в Китае в начале XX в. буржуазии, и притом буржуазии не ранней, живущей в условиях полного господства феодализма и уживающейся с ним, а буржуазии новой, стремящейся к захвату политической власти и вооружающейся для этого идеями, характерными для буржуазии, когда она включается в общенародную антифеодальную борьбу, наличие такой буржуазии не подлежит сомнению.

И тем не менее при всех этих обстоятельствах говорить о наступлении в Китае после революции 1911 г. буржуазно-капиталистической эры все же нельзя. Сельское хозяйство огромной страны продолжало оставаться феодальным; в значительной мере оставалось организованным в феодальные формы и широко развитое в Китае ремесленное производство. Капиталистическая промышленность развивалась только в немногих крупных городах, причем она либо целиком находилась в иностранных руках, либо в большей или меньшей степени зависела от иностранного капитала. Великая страна находилась под двойным гнетом: собственного реакционного феодализма и чужестранного империализма. Буржуазия была, у ней были даже образованные, просвещенные кадры своей интеллигенции, в значительной своей части бывшие носителями и распространителями передовых для своего класса идей, но в целом эта буржуазия была слаба, не имела достаточного опыта в политической борьбе и не была склонна к решительным выступлениям.

История показала, что задержавшийся феодальный гнет, в условиях которого принуждены были жить и трудиться сотни миллионов крестьян, гнет империализма, тяжело ощущаемый всем народом, в том числе и самой национальной буржуазией, сделали то, что против этих двух врагов своей родины поднялась вся масса китайского народа. Первым признаком этого и явилось упомянутое выше «движение 4 Мая» 1919 г. Как сказал про него Мао Цзэ-дун, оно было антиимпериалистическим и антифеодальным одновременно, но его историческое значение заключалось именно в том, что «оно было антиимпериалистическим полностью, без компромиссов, было антифеодальным полностью, без компромиссов» ⁶.

Было, однако, одно особое историческое обстоятельство, оказавшее решающее влияние и на само возникновение этого движения, и на его размах, и на его столь острую антифеодальную и антиимпериалистическую направленность. «Движение 4 Мая» началось в мае 1919 г. Всего немногим более чем за год до этого произошла Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Китайский народ увидел это, увидел в дальнейшем, что вслед за революцией в России вспыхнуло революционное движение и в других странах. Все это самым решительным образом повлияло и на Китай.

Мао Цзэ-дун пишет об этом так:

«В то время капитализм в Китае уже пошел вперед, революционная интеллигенция Китая увидела, что три империалистические державы, Россия, Германия и Австро-Венгрия, уже распались, а две другие империалистические державы, Англия и Франция, получили рану, что в России пролетариат уже построил социалистическое государство, а пролетариат Германии, Австрии (Венгрии) и Италии находится в революционном состоянии. Благодаря этому и родились новые надежды на национальное освобождение Китая» ⁷.

Что произошло в Китае после этого, мы все наблюдали собственными

⁶ Мао Цзэ-дун, Указ. раб., стр. 1.

⁷ Там же, стр. 1—2.

глазами. Тридцать лет продолжалась эта широко развернувшаяся со времени «движения 4 Мая» 1919 г. революционная борьба китайского народа. Пройдя в своем развитии несколько этапов, она закончилась полным разгромом внутренней реакции в лице гоминдановского режима и одновременно разгромом американского империализма, всячески поддерживавшего этот режим. 1 октября 1949 г. в Китае была провозглашена Народная республика. Тем самым «буржуазная демократия уступила дорогу народной демократии, находящейся под руководством рабочего класса, а буржуазная республика уступила дорогу Народной республике», — говорит об исходе этой борьбы Мао Цзэ-дун⁸.

Но подъем революционного движения после 1919 г. и такой исход его могли получиться лишь потому, что во главе борьбы стали другие силы, отнюдь не национальная буржуазия, что оно стало одушевляться другими идеями, отнюдь не буржуазными. «После 4 Мая, — пишет Мао Цзэ-дун, — в Китае уже зародились новые культурные силы. Это были культурные идеи коммунизма, которыми руководствовались китайские коммунисты, т. е. коммунистическое мировоззрение и учение о социальной революции»⁹. Во главе освободительной борьбы стал рабочий класс со своей коммунистической партией. Поэтому и получилось, что «до 4 Мая новая культура в Китае по своему характеру была стародемократической и составляла часть мировой буржуазно-демократической культурной революции; после 4 Мая новая культура в Китае по своему характеру стала новодемократической и составляет часть мировой пролетарско-социалистической культурной революции. До 4 Мая движение за новую культуру в Китае, культурная революция в Китае была делом буржуазии, после 4 Мая... дело культурной революции не могло не лечь на плечи пролетариата», — пишет Мао Цзэ-дун¹⁰. В целом победоносный исход борьбы означал, по его словам, что в Китае была «создана возможность достижения социализма и коммунизма через Народную республику, возможность уничтожения классов и достижения мирового коммунизма»¹¹.

Победа революции в Китае принесла стране полную независимость от иностранного империализма, она сделала китайский народ подлинным сувереном, действительным хозяином своей земли; ликвидируя помещичье землевладение, она принесла свободу и землю самому многочисленному в стране классу — крестьянству; уничтожив крупную компрадорскую буржуазию, она сняла с плеч китайского народа гнет наиболее хищнической формы капитализма и дала возможность — на условиях известных ограничений и при контроле народного правительства — плодотворно для хозяйства страны развиваться национальной буржуазии, национальному капиталу; она создала политический союз рабочего класса и крестьянства — этой основы всей жизни страны, поставив во главе этого союза рабочий класс с его коммунистической партией.

Нетрудно увидеть все историческое своеобразие этого длительного процесса. Китай, бывший до самой революции 1911 г. феодальной империей, Китай, остававшийся полуфеодальным даже после этой революции, в 1949 г. стал Народной республикой. Буржуазно-капиталистического этапа в его чистой и законченной форме в Китае не было.

Нация создается на буржуазно-капиталистическом этапе исторического развития народа. Этого этапа в Китае в полной и законченной мере не было. Но мы видим в китайском народе именно нацию, в формировании которой исключительно большую роль сыграла великая национально-освободитель-

⁸ Мао Цзэ-дун, О диктатуре новой демократии, стр. 6.

⁹ Мао Цзэ-дун, Движение 4 Мая, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 7.

¹¹ Мао Цзэ-дун, О диктатуре новой демократии, стр. 6.

ная борьба китайского народа. Эта борьба была очень длительной. Мао Цзэ-дун прямо сказал: она продолжалась целое столетие. Началась она в 1850 г. десятилетней великой крестьянской войной, которую называют Тайлинским восстанием. В 1900 г. разразилось новое народное восстание, известное под наименованием «боксерского». Далее шла революция 1911 г. Для всех этих движений характерно именно то, что все они ставили перед собой национальные цели: достижение полной национальной независимости и открытие путей свободного развития экономической, политической и культурной деятельности всего народа. Эти национальные цели борьбы и способствовали сплочению основной массы китайского народа.

Но эти восстания были лишь предварительными этапами той национально-освободительной борьбы, которая начала разворачиваться в Китае с 1919 г. Именно тогда начался самый главный и вместе с тем завершающий этап этой столетней борьбы, прошедший уже под руководством коммунистической партии. С образованием коммунистической партии китайский народ получил своего подлинного руководителя. Все время проверяя себя, свои ряды, свое идейное оружие, эта партия повела борьбу с окончательно превратившейся в реакционную силу партией гоминдана, с созданным ею режимом и с иностранными захватчиками. Но для того, чтобы эта борьба принесла успех, нужно было окончательно сплотить основную массу китайского народа. Коммунистическая партия Китая стала работать для этого со всей решительностью, с настоящим политическим искусством и вместе с тем с огромным тактом. Полный успех был результатом этой работы: китайский народ был объединен. А это и дало ему освобождение.

Таким образом, превращение китайской народности в нацию было, несомненно, подготовлено длительным процессом развития в стране капитализма. Но капитализм в Китае не развился настолько, чтобы на его почве это превращение могло завершиться. Создать единство страны и народа в Китае буржуазии было не по силам. Экономически наиболее сильный ее слой — компрадорская буржуазия — не мог этого сделать потому, что, выступая агентом иностранных захватчиков по выкачиванию из страны ее богатств и сама обогащаясь на этом, она была врагом своего народа. Национальная буржуазия была слишком слаба и неспособна к крупным историческим действиям. Единство создал союз китайского рабочего класса и крестьян, руководимый рабочим классом и его коммунистической партией. Этот союз привлек к себе и все передовые элементы буржуазии. Сам же этот союз выковался в национально-освободительной борьбе народа. В ней зародилась и созрела та консолидация интересов, которая и привела к единству. Завершение процесса образования нации в Китае произошло в народно-освободительной борьбе общенационального значения. Поэтому нет ничего неожиданного и в том, что мы видим в китайском народе нацию, в китайском языке — язык нации.

4

Что же все-таки дает нам право говорить о китайском языке как национальном? Национальный язык это прежде всего тот общий язык, которым пользуется вся нация. Есть ли такой общий язык в Китае? Ведь так широко распространено представление, что в этой стране кантонец, например, не понимает пекинца, житель Нанкина жителя Шанхая и т. п. Всегда говорят о наличии в Китае местных диалектов, различие между многими из которых настолько велико, что оно исключает взаимное понимание. Столь сильное различие побуждает некоторых даже говорить не

о разных диалектах китайского языка, а о разных языках, принадлежащих, правда, к одной и той же семье, но все же особых.

Такой взгляд на современный китайский язык как на известную сумму различных, хотя и родственных, языков развивали: у нас — Е. Д. Поливанов, выпустивший в 1930 г., совместно с А. И. Ивановым, «Грамматику современного китайского языка», первую нашу — в принадлежащей Е. Д. Поливанову части — научную грамматику китайского языка¹², а на западе — шведский ученый Б. Карлгрен в его книге «Китайский язык», изданной в Стокгольме в 1945 г. и переизданной в Нью-Йорке в 1949 году¹³.

Оба эти автора подчеркивают невозможность «перекрестного языкового общения» между представителями различных китайских диалектов и считают применимым к этим диалектам понятие отдельных языков. Рассматривая эти диалекты как результат распадаения постулируемого ими китайского праязыка, они считают возможным процесс дифференциации этих языков приравнять к процессу образования новых европейских языков, подчеркивая, что различия между диалектами китайского языка якобы порой даже больше, чем, скажем, различия между итальянским и испанским языками.

Но если один диалект китайского языка отличается от другого так же, как итальянский от испанского, и даже больше, если речь пекинца отличается от речи кантонца так же, как речь немца от речи голландца, то что же это может означать иное, как не признание китайских диалектов по сути дела разными языками одной и той же языковой семьи?

Коротко рассмотрим этот вопрос.

Китай — страна с очень большим количеством местных, близких друг другу, диалектов, которые обычно объединяются в группы. Разные исследователи находят разное количество этих групп — от двенадцати до трех. Наиболее частым и, пожалуй, наиболее принятым делением является деление на четыре группы. Эти группы, кроме одной, именуются соответственно старой географической номенклатуре охватываемых ими районов: группа северных диалектов, охватывающих северный и в значительной мере центральный Китай; группа диалектов Минь, охватывающая лежащую на побережье против о. Тайвань провинцию Фуцзянь и южнее — часть Гуандунской провинции; группа диалектов У — района провинции Чжэцзян и части провинции Цзянсу и Аньхой; группа диалектов Юэ — района провинции Гуандун, части провинции Гуаньси и о. Хайнань. По численности населения, охватываемого этими группами, на первом месте стоит северная группа, к которой по языку принадлежит большинство китайского народа, за ней следует группа диалектов У, охватывающая около 40 миллионов человек, далее — группа диалектов Юэ — свыше 30 миллионов и, наконец, группа Минь — приблизительно с таким же количеством говорящих. Представителями диалектной системы каждой из этих групп являются: в северной — пекинский диалект; в группе Минь — фуцжоуский, т. е. говор г. Фучжоу, столицы провинции Фуцзянь; в группе У — шанхайский; в группе Юэ — кантонский.

Следует, однако, сказать, что пекинский, фуцжоуский, шанхайский и кантонский диалекты в ближайшем смысле являются говорами городов Пекина, Фучжоу, Шанхая и Кантона. Во всех перечисленных группах существуют и другие городские говоры. Не они представляют в данном случае для нас интерес. Наибольшую важность имеют те койнэ, общие диалекты, которые образовались в пределах каждой из этих групп. Имен-

¹² А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930.

¹³ «The Chinese language», an essay on its nature and history by Bernhard Karlgren, New York.

но эти локальные койнэ и являются для упомянутых лингвистов кандидатами в отдельные языки китайской группы, образовавшейся якобы из диалектов, на которые за время своего длительного существования распался первоначально единый китайский язык. Получились, таким образом, как бы четыре «языка» — северный, миньский, юэ'ский и у'ский, которые будто бы можно назвать новыми китайскими языками.

С этими языками Китай, согласно Поливанову, и «вступил в новейшую фазу своей истории». Причиной этого послужили, по его мнению, «типичные для азиатских стран экономические формы — с преобладанием натурального хозяйства и определенными и устойчивыми путями товарообмена, создавшими устойчивое же районирование территории и населения». Эти экономические формы «никогда на всем протяжении китайской истории не могли быть твердой почвой для экономического и языкового объединения Китая, т. е. для создания единого разговорного языка (или диалекта)»¹⁴. В таком положении мы застаем, как думал Поливанов, Китай и сейчас.

В этом рассуждении причудливо перемешаны правильные наблюдения и соображения с неправильными выводами. Это стало нам ясным после замечаний И. В. Сталина о пути развития языков. Этот путь — от языка родового к языку племени, от языка племени к языку народности, от языка народности к языку нации. По мере формирования языка народности и национального языка моменты интеграции в языке приобретают все больший удельный вес и внутри языков идет все большая концентрация диалектов. Диалекты, конечно, появляются и имеют, несомненно, местный характер, но их появление означает не разрушение общего единства языка, а лишь его усложнение.

Правда, бывают случаи, когда диалекты развиваются в отдельные самостоятельные языки, но это, как указывает И. В. Сталин, возможно лишь при одном условии: при условии государственного распада народности, не успевшей стать нацией. Напомним эти слова И. В. Сталина: «Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотся в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»¹⁵. И. В. Сталин считает, что именно такой ход исторического процесса, возможно, и обусловил распад прежде единого монгольского языка на несколько ныне существующих отдельных языков.

Ничего похожего на историю монгольской народности в этом отношении не было в истории Китая. История китайского народа демонстрирует процесс не распада народности, а все большего и большего укрепления ее целостности. Если не уходить далеко в глубь тысячелетий, эта целостность в полной мере видна уже в период Ханьской империи, образовавшейся в III в. до н. э. Об этой целостности, о чувстве этой целостности, которым был проникнут китайский народ, красноречиво свидетельствует тот факт, что именно с Ханьской эпохой связано само название китайцев, принятое ими самими наименование себя как народности. Это наименование — «хань-жэнь», т. е. «ханьские люди», «ханьцы». И это единство никогда не нарушалось.

Могут сказать, что были же случаи государственного распада Китая, которые могли повлиять на единство китайской народности. Так, напри-

¹⁴ Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 28.

¹⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951 г., стр. 44.

мер, в IV—VI вв. северной половиной Китая владели иноземные завоеватели — гунны, тибетцы, прочнее других и дольше других — сяньбийцы. Северная половина страны и в дальнейшем не раз оказывалась в руках завоевателей — киданей, чжурчженей. Но история этих завоеваний свидетельствует нам не о распаде китайской народности, а наоборот — о ее силе, ее целостности. Мы хорошо знаем, что от гуннов, сяньбийцев, киданей, чжурчженей не осталось и следа: они полностью растворились в китайской народности. Такая же участь постигла тех завоевателей, которым удавалось на время подчинить себе даже весь Китай. Это удалось сделать в XIII—XIV вв. монголам, в XVII—XIX вв. маньчжурам. По монголы в Китае сохранились лишь в районе своего сплошного расселения, маньчжуры же полностью ассимилировались с китайским населением.

Таким образом, история со всей ясностью свидетельствует и о древности формирования китайской народности и об исключительной целостности ее. Ни о каком распаде народности здесь не может быть и речи. Реальная картина диалектов и их взаимоотношения целиком подтверждают это общее положение.

Если мы обратимся к описанию четырех указанных главных диалектов или диалектных групп китайского языка, то сразу же заметим, что различия между ними идут главным образом по линии фонетики и касаются основных характерных особенностей слога, а именно его звукового состава и его голосовой мелодии, так называемого «тона». Так, для диалектов северной группы, например, пекинского, характерны отсутствие в слоге начальных *b, d, g, dz*¹⁶, *dž*, возможность на конце слога только либо гласного, либо согласных *n* и *ng*, наличие четырех тонов; для диалектов группы Юэ, например, для кантонского, характерно отсутствие в слоге начальных *b, d, g*, возможность на конце слога *m, p, t, k*, наличие девяти тонов. По этим же линиям идут особенности и других диалектов. Во всех прочих отношениях особых расхождений между диалектами не отмечается. Некоторое исключение составляет лексика: в каждом диалекте существует известное число «своих» слов.

Но разве одних только фонетических различий достаточно для объявления диалектов особыми языками — хотя бы и в пределах одной лингвистической семьи? При всей явственной принадлежности языков немецкого и голландского к общей группе германских языков, все же и тот и другой язык являются самостоятельными не только потому, что между ними есть различия в фонетической системе, но и потому, что есть различия и в грамматике. Между диалектами же китайского языка различий ни в области морфологии, ни в области синтаксиса не отмечается. Что же дает право считать их чем-то большим, чем диалекты одного языка?

Но помимо этого существует одно явление, которое делает еще менее возможной оценку упомянутых диалектов как отдельных языков, — это отсутствие резких границ между ними. Приведем лишь один пример.

Помимо приведенного выше деления диалектов китайского языка на четыре группы, существует другое довольно распространенное деление на три группы: северную, центральную и южную. Территориально северная группа этого тройного деления совпадает с северной группой четверного деления; центральная группа совпадает с группой У; что же касается южной группы, то она складывается из диалектов группы Минь и группы Юэ.

Каждая группа имеет свои общие особенности, на основании которых и сведены воедино различные отдельные наречия и говоры этой группы.

¹⁶ В силу некоторых особенностей произношения *p, t, g*, которые стоят в начале слога, в русской практической транскрипции принято писать все же *b, d, g*.

Эти особенности являются вместе с тем и признаками локального койнэ, т. е. общего диалекта данной группы. Если же взять отдельные диалекты этой группы, то окажется, что каждый из них обладает своими особенностями. Так, например, если мы возьмем центральную группу, то как в шанхайском говоре, входящем в ее состав, так и в общей системе центральных диалектов, так и в локальном койнэ этой группы, наблюдается восемь тонов, но в говоре города Нинбо, относящемся к этой же системе, двух последних тонов (так называемых верхнего и нижнего «входящего» тона) нет, а этим самым говор Нинбо сближается с системой северных диалектов, для которых как раз и характерно отсутствие этого «входящего» тона. Нет «входящего» тона и в говоре города Вэньчжоу, в целом принадлежащего к этой же системе центральных диалектов. Наличие «входящего» тона в других наречиях и говорах этой системы сближает их с системой южных диалектов, в частности, с кантонским говором. *Ki* и *kü* в начале слога в центральной группе наблюдается только в южных ее районах, в северных же на их месте стоят *chi* и *chü*. Но начальное *ki* и *kü* являются характерным признаком южных диалектов, а *chi* и *chü*, северных. Таким образом, изучая отдельные наречия и говоры центральной группы, мы видим, что на севере эти наречия сближаются с группой северных диалектов, на юге — с группой южных диалектов. Поэтому, если, скажем, пекинец стал бы проходить всю эту центральную полосу с севера на юг, он не почувствовал бы резко ощутимой границы между своим диалектом и системой центральных диалектов; он, так сказать, входил бы в эту систему постепенно. Такая взаимопроницаемость соседних диалектов и составляет характерную черту общекитайской диалектной системы. А эта взаимопроницаемость создает условия для взаимного понимания, для перекрестного общения. В каждой диалектной зоне есть диалекты, сближающие ее с элементами соседних зон. Конечно, если взять крайние звенья всей цепи, например, говор Пекина, с одной стороны, и говор Кантона — с другой, то расхождения тут окажутся действительно очень ощутимыми и взаимное понимание — при условии, если пекинец будет говорить точно на своем говоре, а кантовец на своем, — будет затруднительно. Но это обстоятельство не делает пекинский и кантонский говоры разными языками. Ведь не делает же весьма ощутимое различие между берлинским наречием и баварским эти два наречия особыми языками; это все же только диалекты одного немецкого языка.

Что происходит с диалектами в Китае в наше время?

И. В. Сталин, говоря о судьбах диалектов в общем процессе развития единого языка, употребил выразительное и колоритное слово: «перемолотся». Этим словом он охарактеризовал процесс вливания диалектов в единый общий язык. Именно о таком процессе интенсивного перемалывания диалектов в едином языке и можно говорить в приложении к языковой действительности, наблюдаемой в Китае в последние десятилетия.

Конечно, перемалывание диалектов в едином языке началось в Китае давно. Оно началось еще тогда, когда в Китае не могло быть речи о нации, когда китайский язык был языком народности. Как мы упоминали раньше, в последнюю фазу феодализма в Китае, в эпоху Циньской империи, т. е. в XVII—XIX вв., уже создались общие условия для постепенного развития китайской народности в нацию. Эти условия стали еще более широкими после революции 1911 г. Но, как было отмечено выше, лишь после «движения 4 Мая» 1919 г. процесс консолидации китайского народа, а следовательно, и процесс образования нации, можно считать законченным. Тем самым упрочены и позиции китайского языка как языка национального. Нам представляется, что именно эта развернувшаяся после 1919 г. на-

ционально-освободительная борьба и создала условия для интенсивного перемалывания диалектов в едином языке, поскольку она всколыхнула огромные народные массы. В этой борьбе бок о бок участвовали представители самых различных районов Китая, следовательно, носители самых различных диалектов. В Народно-освободительной армии рядом сражались пекинец и кантонец, уроженец Амоя и житель дальней провинции Ганьсу. Этот все увеличивающийся в численности состав Народно-освободительной армии превратил ее в своего рода гигантскую мельницу, в которой действительно как бы перемалывались различные диалекты. Следует во всей полноте учитывать, что эта армия была не только армией: она была вместе с тем и гигантской школой политической и культурной учебы. Коммунистическая партия Китая, руководившая этой армией, создала в ней огромный культурно-просветительный и политико-воспитательный аппарат. Армия воевала и вместе с тем училась. И это совместное политическое воспитание, эта совместная учеба, наконец, совместное усвоение грамотности — далеко не последнее в этой учебе, если учитывать неграмотность крестьянских масс, составлявших наибольшую часть армии, — все это во много раз повышало значение этой армии как гигантской мельницы, перемалывавшей диалекты. Нам хорошо известно, что в этой армии существовали многочисленные бригады самодеятельности, театральные коллективы. Эти бригады и коллективы, во время похода задерживаясь в каком-либо месте, тут же создавали пьесы на самую злободневную для этого места тему, смотреть которые шли не только бойцы, но и местное население, местное крестьянство, т. е. носители различных местных диалектов. Еще далеко не оценена роль этих бесчисленных коллективов и бригад, своей повседневной работой сплавивавших и бойцов и местное население не только на почве идей, воодушевлявших революционную борьбу китайского народа, но и на почве единого языка.

То, что происходило в армии, по-своему воспроизводилось в районах, уже освобожденных, в местах, где утверждалась народная власть. Там немедленно принимались за ликвидацию неграмотности, за политическое просвещение. Эта работа, также принимавшая все большие масштабы, со своей стороны укрепляла почву для перемалывания диалектов в едином языке нации.

И. В. Сталин сказал не просто о перемалывании диалектов, но о перемалывании их в едином языке. Наличие общего языка является необходимой основой такой переработки диалектов. Это — центральная мысль сталинского учения о конечных судьбах диалектов. Был ли, есть ли в Китае такой общий язык?

И был и есть. Его видели уже те синологи, которые склонны признавать диалекты китайского языка особыми языками. А еще раньше этих сиологов его практически узнали европейцы, попавшие в Китай и начавшие сношения с ними. Первыми из этих европейцев были португальцы, добравшиеся до Китая еще в XVI в. Они нашли в нем язык, при помощи которого они легче всего могли общаться с населением. Они узнали, что китайцы называют этот общий язык «гуаньхуа», «чиновническим языком»; поскольку же они сами называли китайских чиновников «мандаринами», они и стали называть этот язык «мандаринским». Под таким названием он и вошел в европейскую синологию.

Позднее выяснилось, что мандаринский язык не един, что в нем есть три разновидности — пекинская, нанкинская и западная, иначе северномандаринское (пекинское) наречие, южномандаринское (нанкинское) и западномандаринское (северо-западный Китай — от Ханькоу до провинции Ганьсу).

Почти в каждой работе по китайскому языку можно встретить более

или менее обстоятельное описание различий между этими тремя разновидностями гуаньхуа. Различия эти в основном следующие.

В пекинском гуаньхуа — четыре тона, причем среди них нет «входящего»; на конце слога возможны только два согласных — п и ng; в начале слога, там, где в других гуаньхуа слышны h и k, в пекинском мы находим либо s, либо ts, либо ch.

В нанкинском гуаньхуа — пять тонов, в том числе и «входящий»; на конце слога после а и i — в нем стоит ng, там, где в других гуаньхуа стоит п.

В западном гуаньхуа — четыре тона, причем во всех случаях, где в других гуаньхуа наличествует так называемый «уходящий» тон, в западно-мандаринском появляется «входящий» тон; на конце слога после i всегда п, а не ng; там, где в других гуаньхуа перед i стоят h или k, в западном гуаньхуа стоят s или ts, как в пекинском.

Из этого перечисления важнейших различий между тремя видами гуаньхуа можно вывести два заключения: во-первых, что различия между отдельными видами гуаньхуа идут по той же линии, что и различия между диалектами, т. е. по линии фонетики; во-вторых, что эти различия в некоторой части совпадают с признаками тех диалектных систем, на территории которых тот или иной гуаньхуа действует, но в значительной части не совпадают с ними. Так, например, нанкинский гуаньхуа распространен на территории центральной группы диалектов, но для гуаньхуа этой территории всюду характерны пять тонов и наличие на конце слога после а и i согласного ng; для всей же системы диалектов этой территории характерна именно пестрота признаков: число тонов в разных местах колеблется между пятью и восемью; начальный k перед i и ü в одних местах удерживается, в других заменяется ch и т. д. Таким образом, в нанкинском гуаньхуа нельзя видеть какой-то новый диалект общей системы диалектов этого района; вся совокупность признаков и — главное — однообразие на всей территории этой диалектной системы делают этот гуаньхуа явлением наддиалектным. Еще более ясно выраженный наддиалектный характер носит пекинский гуаньхуа, или северномандаринский, который в одном и том же облике проходит по обширнейшей территории всего северного Китая, т. е. во всех провинциях к северу от р. Янцзы, а также по обширным территориям на западе и на юге — в провинциях Сычуань, Гуйчжоу, части Гуанси и даже в самой южной, пограничной с Бирмой, провинции Китая — Юньнань. Иначе говоря, этот северномандаринский гуаньхуа охватывает огромную территорию с самыми разнообразными диалектами. Поэтому, когда европейцы, познакомясь с языковой действительностью Китая, сочли гуаньхуа, и в первую очередь именно пекинский гуаньхуа, общим языком Китая, они были правы.

Знал этот пекинский, или северный, гуаньхуа и Поливанов и вполне оценивал его общекитайское значение. Однако он внес в его характеристику одну черту, которая сделала его оценку неверной: он считал, что пекинский говор, легший в основу северного гуаньхуа, был языком столичной интеллигенции и бюрократии, а это означало, что основной общекитайский язык был, как он говорит, «социально-групповым диалектом».

Мы теперь знаем, что «люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются „классовые“ диалекты, жаргоны, салонные „языки“»¹⁷.

¹⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 13.

Конечно, на гуаньхуа говорила пекинская столичная интеллигенция и чиновничество; можно было сказать просто чиновничество, потому что в феодальном Китае до самой революции 1911 г. подавляющее большинство интеллигенции было именно чиновничьей. Это чиновничество, в своей массе состоявшее из представителей слоя мелких помещиков, зачастую владевших лишь небольшим клочком земли, обслуживало огромный, разветвленный аппарат управления. Оно формировалось при этом из уроженцев самых различных частей страны — от Пекина до Юньнани, от Шанхая до Чэнду. По своему составу оно было, можно сказать, всекитайским. Уроженцы разных районов у себя дома были носителями своих местных диалектов, но прохождение единой и длительной системы образования, чиновнической подготовки, с завершающими эту подготовку государственными экзаменами в Пекине, прививало им пекинский говор, который и заслонял собой их родной диалект. Этот говор они разносили затем во все концы обширной страны — и как язык их собственного обихода, и как язык правительственных учреждений, и как язык их общения с населением. Тем самым гуаньхуа являлся уже не социально-групповым диалектом, а подлинно общекайтайским разговорным языком. Это отнюдь не означало распространения социально-группового диалекта в языковом обиходе народных масс, как это можно было бы подумать; это означало обратное: победу одного из местных диалектов — пекинского — в процессе его широкого общего употребления. Чиновничество не создавало общекайтайский язык, а только содействовало его распространению. Становится понятным, почему пекинский гуаньхуа можно было встретить и на севере — в Мукдене, и на далеком юге — в провинции Юньнань.

Именно на эту сторону и следует обратить главное внимание и понять самое основное в этом вопросе: мандаринский язык времен Циньской империи был пекинским диалектом в широком территориальном смысле, но это был вместе с тем тот местный диалект, который в возможных для феодальной страны пределах стал языком общекайтайским, притом именно языком разговорным. Это был тот диалект, который составил основу китайского национального языка в силу того, что именно Пекин был центром китайской государственной жизни и культуры еще со времен монгольского завоевания, т. е. с XIII в. Поливанов отмечает и это, говоря, что в новейшую фазу истории Китая «уже ставится вопрос о господствующем разговорном диалекте», причем тут же указывает, что «в качестве такового намечается естественно пекинский говор, который стал выдвигаться из прочих северных говоров уже с эпохи монгольской династии»¹⁸. В этом месте Поливанов ошибся только в одном: вопрос о господствующем разговорном диалекте в первые десятилетия XX в. не ставился, как он думает, а был уже историей решен, и притом в пользу пекинского диалекта.

Предрешен же он был давно. Об этом ярко свидетельствуют наиболее близкие к разговорному языку памятники китайской повествовательной литературы. Мы знаем, что уже с XIII—XIV вв. эта повествовательная литература фиксирует именно северный диалект, а именно эта литература была для феодального Китая наиболее массовой. Сложившаяся в городах и распространявшаяся прежде всего среди городского населения, она в своих истоках, своим материалом была тесно связана с фольклором, с народными сказками, историческими сказаниями, бытовыми рассказами. Огромную роль в распространении этой литературы в условиях неграмотности большинства населения играли «шошуды», многочисленные и популярные в Китае профессиональные рассказчики, выступавшие и в городах и в деревнях и в той или иной мере разносившие по всему Китаю этот

¹⁸ Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 24.

северный диалект. В этом случае выступал уже не «социально-групповой диалект», а именно «койнэ массовой значимости» с его общенародной основой — северномандаринским наречием. Это проявилось и в исчезновении самого названия «гуаньхуа»: в новейшее время вместо него появилось наименование «путунхуа» («обыкновенный, общий язык»); термин же «гуаньхуа» некоторое время продолжал оставаться в европейских учебниках китайского языка, но в последнее время он исчез и оттуда. Укрепились и ставшие характерными для путунхуа общие признаки. Одним из таких признаков было, например, число тонов. В пекинском диалектном первоисточнике общего языка, как указано выше, было четыре тона; в путунхуа, выросшем из этого же источника, фактически осталось только три тона («верхний ровный», «нижний ровный» и «уходящий»). Именно в общеразговорном языке на этапе путунхуа и стала бурно развиваться та новая лексика, которая понадобилась китайскому языку в эпоху ликвидации феодализма, в годы борьбы за национальную свободу, в период строительства новой культуры.

Наступил, наконец, решающий момент в истории китайского национального языка — момент окончательного укрепления его позиции, момент приобретения им подлинно национального значения. Этот момент связан с не раз уже упоминавшимся «движением 4 Мая» 1919 года.

Ближайшим образом дело тут связано с литературой. С конца XIX в. в Китай, как это отметил Мао Цзэ-дун в приведенных выше словах, стали проникать западные науки, западное образование, западная литература. После падения маньчжурской династии, а с нею и режима империи, проникновение всего этого пошло неудержимым потоком. Все более и более расширялся слой населения, получавший новое образование, знавший то, что знал любой образованный человек в культурных странах Запада. На этой же общей почве стали возникать и новая китайская наука, техника, новое искусство. Не могла оставаться прежней и литература. Как ни замечательна была старая китайская художественная литература, она была все же слишком связана с прошлым, чтобы удовлетворять нового человека. Короче говоря, на очереди стояло создание новой литературы того же типа, какой она была в это время на Западе, какой она с 80-х годов прошлого века успела стать и в соседней Японии.

Великая Октябрьская социалистическая революция и тут решительно ускорила этот процесс. Как было обрисовано выше, она способствовала появлению в Китае широкого демократического движения, она призвала к деятельности наиболее передовые элементы китайского общества, переместила центр внимания с идей буржуазной демократии на идеи социализма и коммунизма. В Китай вступила и русская литература, появился в переводах Горький. Все это форсировало перестройку и литературы.

Сначала это выразилось в очень решительных формах: была провозглашена «литературная революция». Этот лозунг был выброшен в 1918 г. несколькими представителями европейски образованной интеллигенции — учеными, публицистами, общественными деятелями — и означал тогда призыв к отказу от старой литературы, как «аристократической», «отрешенной от жизни», «литературы классицизма», и к переходу к литературе «народной», «общественно-проблемной», «литературе реализма». Однако наиболее острым оказался вопрос о языке литературы. Если вообще надобно было бы доказывать неотделимость литературы как таковой от языка, доказывать, что любая проблема литературы есть вместе с тем и проблема языка, для этого достаточно было бы только изучить процесс создания новой литературы в Китае, а в равной мере и в Японии. Главное было — к а к п и с а т ь, к а к и м я з ы к о м, потому что, каким языком писать, означало вместе с тем для того времени и что писать. Поэтому

сразу же было провозглашено: писать следует на «байхуа». Так вошло в жизнь и стало играть огромную роль это слово.

Что такое «байхуа»? Буквально это — «простой язык». Но для китайца этим названием обозначалось тогда нечто противоположное другому термину: «вэньянь». «Вэньянь» значит буквально «литературный язык». Следовательно, литературному языку в литературе был противопоставлен простой язык. Тут следует иметь в виду, что «литературным языком» (вэньянь) в феодальном Китае считали лишь язык старой литературы — философских, исторических, публицистических и поэтических произведений, только и признаваемых «литературой» образованными слоями феодального общества. Это был язык книжный, письменный, противостоявший разговорному языку, носившему наименование «сухуа» («просторечие»), на котором писались произведения для «простого народа» — романы, повести. Такое расхождение между разговорным и литературным языком отнюдь не было в Китае постоянным, но во всяком случае так оно было в период Циньской империи. Ревнители новой литературы восстали против этого консервативного, канонизированного во всех своих чертах старого литературного языка и противопоставили ему «простой язык» (байхуа), который представлял собой все тот же «общий язык» (путунхуа), а еще раньше — «мандаринский язык» (гуаньхуа), иначе говоря — национальный язык китайского народа.

Новое название появилось отчасти потому, что оно отражало новую фазу в укреплении и развитии общенародного языка, главным же образом потому, что оно терминологически противостояло термину «вэньянь»: корень этого слова — «вэнь» означает «узор», «украшение»; корень слова «байхуа» — «бай» означает «белый», «простой». Термином «байхуа» «разукрашенному» языку старой литературы противопоставлялся «белый» язык. Этот «белый», что одновременно означает и «простой», язык и стал языком новой китайской литературы, т. е. новым современным литературным языком Китая. А это означало не только то, что национальный язык овладел одним из самых важных участков языкового развития — художественной литературой, но и то, что он окончательно утвердился в своем общенациональном качестве. При этом дело не ограничилось только художественной литературой: на этом языке стали писать и публицистические статьи и научные работы; он проник даже в последнюю цитадель старого литературного языка — в поэзию.

Следует сказать, однако, что такая победа была одержана только благодаря «движению 4 Мая». Это движение было подробно охарактеризовано выше, почему мы дополнительно укажем здесь только на то, что по своему содержанию оно было поистине всеобъемлющим: его участники боролись и за национальную свободу, и за демократический режим, и за новое просвещение, и за новую литературу, и за новый язык. Во главе борьбы за новую литературу встал тот писатель, который так любил Горького, который переводил «Мертвые души», которого чтут в народном Китае как основоположника новой литературы, ее классика, которого хорошо знают по многочисленным переводам и в Советском Союзе, — Лу Синь.

Именно этот переход дела обновления литературы в руки передовых писателей с Лу Синем во главе и показал, что «новый» язык байхуа есть продолжение все того же старого общекитайского языка.

При всяком крутом повороте путей развития литературы руководителям этого поворота необходимо понять — от чего им следует оттолкнуться в прошлом и на что в нем, наоборот, опереться. Глашатаи литературной революции отталкивались от старой литературы, распространенной в феодальном Китае в среде господствующего класса и его интеллигенции,

целиком пропитанной старым мировоззрением. Это отталкивание восприняли и деятели «движения 4 Мая». И они поступили правильно. Мао Цзэ-дун в свое время в одной из своих речей (8 февраля 1942 г.) говорил:

«Во время «движения 4 Мая» новые люди выступили против литературы на литературном языке (вэньянь) и провозгласили литературу на простом языке (байхуа); этим самым они выступили против старых догматов и провозгласили науку и демократию...».

«В то время это движение было жизненным и действенным, передовым и революционным. Правящий класс того времени был воспитан в конфуцианских доктринах, придерживался старых конфуцианских догматов и преследовал убеждения народа; писатели этого класса употребляли литературный язык (вэньянь). Все сочинения и все образование правящего класса того времени и его прислужников по своему содержанию и форме были основаны на канонах старой схоластической схемы, были догматическими. При этом это была старая схоластическая схематика, старые догмы...»

«Народ выступил против этой схоластической схематики, против этих старых догм, и это было величайшей заслугой «движения 4 Мая»¹⁹.

В поисках опоры новые писатели, и прежде всего Лу Синь, обратились не к той литературе, которая существовала для господствующего класса, а к народной литературе прошлого — рассказам, повестям, романам, написанным на живом разговорном языке. Лу Синь, например, стал изучать эту старую народную литературу, изучать и как писатель и как исследователь. В 1930 г. вышла в свет его «Краткая история китайской повествовательной литературы». Это было ново для Китая. В Китае давно и много занимались своей родной литературой; литературоведение в Китае насчитывает большее число лет, чем где бы то ни было в другой стране. Но в феодальном Китае изучалась именно упомянутая выше «высокая» литература, особенно поэзия; изучать «низшие» жанры — роман, рассказ — не полагалось. Разве могла эта «плебейская» литература, даже не заслуживающая того, чтобы именоваться литературой, быть достойной внимания «высокообразованного» конфуцианца?

Но именно в этой «плебейской» литературе и было ключом подлинно живое творчество, именно в ней развивался живой язык. Это был разговорный язык китайского народа. Лу Синь, начав изучать эту народную литературу, не мог поступить лучше, и китайское литературоведение обязано ему открытием целой новой, огромной по значению области исследования.

Так была протянута прямая линия от старого общекитайского языка к новому — байхуа, простому языку. На этапе этого «простого языка» и завершилось развитие языка китайской народности в язык нации.

Китайцы это поняли. Они стали называть в дальнейшем этот язык словом «гоюй», что и значит буквально «национальный (государственный) язык». Соединение в одном слове понятий «национальный» и «государственный» было естественно: язык нации есть тем самым язык государства, созданного этой нацией. Таким образом, гуаньхуа («чиновнический язык»), путунхуа («обыкновенный, или общий, язык»), байхуа («белый, т. е. простой, язык») и, наконец, гоюй («национальный язык») — все это обозначения одной и той же линии развития китайского общенародного языка; различие этих обозначений фиксирует последовательные фазы этого развития и отражает осознание этих фаз создателями и носителями языка.

Как мы уже указывали, китайский национальный язык развился на базе пекинского диалекта. Но на этом, пока последнем для нас, этапе

¹⁹ Мао Цзэ-дун, Избр. раб., 1948, стр. 956.

своей истории его база несколько расширилась: в него оказались включенными некоторые наиболее распространенные слова и обороты из других важнейших диалектов. Иначе говоря, в нем нашла свое выражение и известная концентрация диалектов.

Некоторую роль в окончательном оформлении китайского национального языка сыграли и европейские языки.

Выше мы не случайно процитировали те слова Мао Цзэ-дуна, в которых он упоминает о проникновении в Китай в свое время классической политической экономии, общественных идей французских буржуазных просветителей, эволюционной теории и т. д. Все это стало известным китайцам в оригиналах; китайская интеллигенция стала широко изучать иностранные языки, чтобы иметь к этим оригиналам доступ. В дальнейшем, как указывает Мао Цзэ-дун, помимо буржуазной науки и образованности, в Китае стали распространяться наука и образованность, идущие из страны социализма — Советской России. В результате эти новые идеи — науки и техники, естествознания и обществоведения, искусства и философии — широко вошли в обиход, превратились в орудия строительства новой культуры. Язык должен был обслужить все эти запросы, и естественно, что в нем стали появляться слова и некоторые обороты, возникшие под влиянием изучаемой иностранной литературы.

Этот процесс сильнее всего проявился в переводах. Переводить приходилось все — и учебники физики и сочинения по эстетике. Появилась огромная переводная литература, в том числе и художественная. Мы опять-таки не случайно упомянули о том, что Лу Синь переводил «Мертвые души», переводил Горького; он вообще перевел много произведений иностранной литературы. Через эти переводы китайских переводчиков и проникали в китайский язык новые слова и обороты.

Нельзя игнорировать эту тренировку языка на переводах, нельзя упускать из виду влияние иностранных языков, при помощи которых китайский народ на первых порах усваивал новую науку, технику, философию, литературу. Нужно в полной мере оценить, какое огромное значение для китайского языка имела работа по переводам сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Таков последний для нас, т. е. нынешний, облик китайского национального языка. Лучшие образцы его в художественной литературе рисуются нам в произведениях Лу Синя, в научной и публицистической литературе — в произведениях Мао Цзэ-дуна.

5

Каков же этот язык — современный китайский язык, национальный язык китайского народа по своему строю? Выше мы указали, что Н. Я. Марр считал его моносиллабическим и аморфным, почему и поместил его в число языков «системы первичного периода». Следует заметить, однако, что Н. Я. Марр всего лишь взял ту характеристику, которая была в его время, так сказать, «общим местом» для языкознания.

Можно указать, что именно такая характеристика китайского языка дается в книге Финка — популярном справочнике начала XX в.²⁰ Там сказано: «Китайские слова, если и не все без исключения, то во всяком случае в своей значительно большей части, состоят из одного единственного слога; отношения между этими словами в предложениях обозначаются не посредством им самим присущих показателей, а в первую очередь посредством определенных правил порядка слов и только во вторую очередь посредством добавления слов, которые утратили свое первоначальное значе-

²⁰ F. N. F i n k, Die Haupttypen des Sprachbaus, Leipzig, 1910.

ние настолько, что стали употребляться в формальных целях почти так же, как так называемые служебные слова у нас»²¹. Поясняя, что он имеет в виду, говоря об исключениях из общего правила моносиллабичности слов, Финк приводит слова *баба* «папа», *мама* «мама», *найнай* «молоко», *хама* «лягушка», *хахар* «хохот» и т. п.²² Как он сам указывает, эти слова — особого рода: часть из них идет из детского языка, часть — звукоподражательного происхождения. Поскольку такие слова не занимают сколько-нибудь существенного места в словаре языка, автор и считает, что слова китайского языка вообще состоят из одного слога.

На книжку Финка, несмотря на ее давность, сочувственно ссылаются и Карлгрен в предисловии к английскому изданию упомянутой выше книги о китайском языке, ссылается потому, что сам считает, что «китайский язык моносиллабичен, т. е. каждое отдельное (не составное) слово представляет одно целое, не подвергающееся изменениям путем флексии или изменений корня, зависящим от соотношения этого слова с другими словами в предложении».

И для Финка в 1910 г. и для Карлгрена в 1949 г. слова китайского языка моносиллабичны и аморфны. Согласиться с этим мы не можем.

Рассмотрим сначала вопрос о моносиллабичности китайского слова.

Допустим, что в каком-либо языке все слова состоят из одного слога. Ясно, что слов в таком языке будет столько же, сколько в нем слогов; а если и больше, то за счет развития омонимов. Известно, что в пекинском диалекте 420 слогов. Поскольку пекинский диалект лег в основу национального языка, выходит, что в китайском языке 420 слов плюс некоторое количество омонимов, которых особенно много быть не может. Допустить такое положение явно невозможно.

Может быть, дело поправят так называемые тоны? О них много написано в китайской языковедной литературе; большое внимание уделяют им и европейские исследователи китайского языка.

Наиболее распространенное представление о тонах — о причинах их возникновения и их сущности — отражает тот же Карлгрен.

Карлгрен видит бедность слогового состава китайского языка. «Если взглянуть на звуковой состав, — пишет он, — то мы найдем, что современный мандаринский язык исключительно прост и его звуковой запас скуден... Впрочем, этот скудный запас звуков обогащен тем, что каждое слово имеет свое так называемое музыкальное ударение, свою особую мелодию, которая представляет одну из составных частей слова и так же важна, как гласные и согласные»²³. «Музыкальное ударение», «особая мелодия» и есть то, что обычно именуют «тоном». Карлгрен тут же употребляет это слово, указывая, что в пекинском существует четыре тона.

Коротко опишем, как обычно характеризуют эти тоны.

Тон — это голосовая мелодия. Слог может быть произнесен с разной мелодией. Она может быть ровной; это будет первый тон, «первый ровный тон», как он зовется в фонетике, разработанной самими китайцами. Мелодия может быть ровной, но с некоторым повышением к концу; это будет второй тон, «второй ровный тон», как его называют китайцы. Мелодия может повышаться с самого же начала слога, т. е. идти как бы сразу же снизу вверх; это будет третий тон, «восходящий», по китайской номенклатуре. Мелодия может как бы сразу падать сверху вниз; это будет четвертый тон, «уходящий».

В синологической литературе существует немало попыток дать пред-

²¹ Fink, Указ. раб., стр. 12.

²² Там же, стр. 18—19.

²³ Carlgren, Указ. раб., стр. 8.

ставление о таких изменениях голосовой мелодии на фактах произношения слов в европейских языках. Среди них пользуется популярностью попытка Арендта, автора немецкого учебника китайского языка, по которому училось немало поколений не только одних немецких китаистов. Арендт считает, что нечто похожее на указанные четыре тона слышится в произношении немецкого слова *so* «так» в следующих четырех фразах: 1) *Du mußt es so machen*. «Ты должен так сделать», 2) *Meinst du es so?* «Ты думаешь так?», 3) *So?* «Так?», 4) *Nein, so!* «Нет, так!»²⁴

Карлгрен, как и Арендт, считает тоны смысловоразличительным средством. Слова могут быть, как он полагает, тождественны по своему звуковому составу, но различны по тону, что и делает их различными с чисто фонетической стороны, а вслед за этим и со смысловой. Такого рода явления Карлгрен находит и в родном для него шведском языке и приводит в качестве примера такие слова, как *gifted* «яд» и *gifted* «брак»; нельзя в шведском языке эти слова спутать, так же как нельзя смешать китайские *чжу*¹ «свинья», *чжу*² «бамбук», *чжу*³ «хозяин», *чжу*⁴ «проживать». Для китайца это все различные слова — не только по смыслу, но и по звучанию: каждое из них другого тона²⁵.

Смысловоразличительным средством считает тоны и Поливанов. Для него тон связан исключительно с такого рода лексическими (словарными) различиями понятий, как, например, *ши*¹ «терять», *ши*² «десять», *ши*³ «история», *ши*⁴ «дело»²⁶.

Если это так, если различие тонов при одном и том же звуковом составе означает различие слов и по смыслу, то количество слов в китайском языке повышается. При учете одного только звукового состава слова, придется сказать, что в китайском языке 420 слов. Если принять во внимание различные тоны, их окажется в четыре раза больше. На деле этого, однако, нет: не всякий звуковой состав может произноситься на четыре разных тона. Поэтому подсчитано, что с учетом различий в тонах в мандаринском языке всего 1380 слогов, что при признании моносиллабичности китайских слов — означает 1380 слов для всего китайского языка с дополнением некоторого количества омонимов. Разумеется, и это допустить невозможно.

Выход может быть только один: допустить, что положение об односложности китайского слова — неверно. Если допустить, что в китайском языке есть и многосложные слова, количество слов в нем может быть во всяком случае не меньше, чем в любом высокоразвитом языке. Так оно на деле и есть: положение об односложности слова в современном китайском языке просто неверно.

Возьмем в качестве примера два места из хорошо известной у нас по изданному русскому переводу философской работы Мао Цзэ-дуна «О практике».

Первое место в переводе значит следующее:

«Для непосредственного познания тех или других вещей необходимо личное участие в практической борьбе, связанной с изменением действительности, с изменением тех или других вещей...»²⁷

Даем китайский текст с подстановкой русских слов, соответствующих китайским, сохраняя при этом и соответствие частей речи и грамматической формы, где такое соответствие имеется:

²⁴ A r e n d t, Handbuch der Nordchinesischen Umgangssprache, Stuttgart, 1891, стр. 47.

²⁵ K a r l g r e n, Указ. раб., стр. 8. Цифры над *чжу* указывают номер тона.

²⁶ Е. Д. П о л и в а н о в, Указ. раб., стр. 192.

²⁷ М а о Ц з э - д у н, Относительно практики, перевод с китайского проф. Н. Федоренко, Госполитиздат, 1950, стр. 10.

жсуго *ю* *чжицзеды* *жэньши* *моучжун* *хо* *моусе*
 если хотеть непосредственно познать некие или некоторые
шу, *бянь чжи ю* *циншэнь* *цанцзя юй* *бяньгэ* *сяньши*
 вещи, то только есть личный участие в изменение действительность
бяньгэ *моучжун* *хо* *моусе* *шуды* *шицзяньды* *доучжэнь чжун*.
 изменение некие или некоторые вещей практический борьба в

Второе место:

«В нынешнюю эпоху общественного развития на плечи пролетариата и его политической партии исторически возложена ответственность за правильное познание и преобразование мира»²⁸:

шэжуйды *фачжэнь* *даола* *цзиньтяньды* *шидай*; *чжэньцзюды*
 общественный развитие достигло нынешней эпоха; правильно
жэньши *шидэ* *хэ* *гайцзао* *шидзеды* *цзэжэнь* *ицзинь*
 познать мир и преобразовать мира ответственность уже
лишиды *ло* *цзай* *учаньцзэцзи* *цзи* *ци* *чжэньданды*
 исторически падать на пролетариат и он политическая партия
цзянь *шан*.
 плечо на.

В этих двух отрывках встречаются слова односложные, двухсложные, трехсложные и четырехсложные. Добавим к этому, что существуют и пятисложные слова, как, например, *дигочжу'ичжэ* «империалист». При этом многосложность отнюдь не является признаком какой-нибудь грамматической формы; например, многосложным может быть слово и в словарной форме и в форме родительного падежа: *шицзе* «мир», *шидзеды* «мира». Количество слогов не имеет отношения и к принадлежности слова к той или иной лексической категории: односложными могут быть и глаголы (*ло* «падать»), и предлоги (*юй* «в»), и союзы (*хэ* «и»), и существительные (*цзянь* «плечо»); двухсложными могут быть существительные (*шицзе* «мир»), союзы (*жсуго* «если»), глаголы (*жэньши* «познавать») и т. д. Таким образом, односложность китайского слова из числа его обязательных признаков следует решительно исключить.

Однако западноевропейские синологи с необыкновенным упорством держатся за концепцию односложности китайского слова. Так Габеленц считал возможным видеть в них только *composita*, т. е. явление, не нарушающее общий принцип односложности²⁹. Эта точка зрения стала с тех пор господствующей. Она не подверглась ревизии и у Карлгрена. Правда, он, как и Габеленц, отмечает наличие *composita*. Более того, он допускает двухсложные слова и не типа *composita*: это — слова типа *пиба* «лютня», которые он отказывается разбить на части, а также слова звукоподражательные. На эти исключения Карлгрен указал еще в 1917 г.³⁰. Но эти исключения немногочисленны, и сами слова не характерны для основного словарного фонда китайского языка. Поэтому Карлгрен и сохраняет концепцию моносиллабичности как основной характеристики китайского слова. В общем на таких же позициях стоят и другие западноевропейские синологи — Краузе, Финк, Мюлли, Арендт, Куран, Виссиер и др.

Следует все же сказать, что явное столкновение их точки зрения с языковой действительностью заставляет их делать всевозможные оговорки, в том или ином освещении фактически допускающие нарушение принципа

²⁸ Мао Цзэ-дун, Относительно практики, стр. 40.

²⁹ G. v. Gabelentz, *Anfangsgründe der chinesischen Grammatik*, Leipzig, 1883, § 2 и § 180.

³⁰ Karlgren, *A mandarin phonetic reader in the Pekinese dialect*, Upsala, 1917, стр. 38—39.

моносиллабичности; однако эти оговорки не нарушают для них принципа моносиллабичности как основного закона китайского слова.

Синология в нашей стране давно уже по-иному расценивает строй китайского языка. Акад. В. М. Алексеев еще в 1910 г., когда он — тогда еще в качестве приват-доцента — начал читать в Петербургском университете курс фонетики китайского языка, давал реальную картину строя китайского языка, имеющего и односложные и многосложные слова. Ученик Л. В. Щербы А. А. Драгунов, к которому впоследствии перешел этот курс, всецело продолжал и развивал дальше эту линию, что особенно сказалось при выработке в конце 20-х и начале 30-х годов — при основном участии А. А. Драгунова — фонетического письма для китайского языка. Отрицал моносиллабичность китайского языка и Е. Д. Поливанов, шедший к решению этого вопроса иными путями, на основе воспринятого им от своего учителя Л. В. Щербы стремления ориентироваться на живой язык. В указанной «Грамматике современного китайского языка» он писал, что именно двухсложность является организующей нормой китайской морфологии; что только двухсложное и многосложное слова являются морфологически оформленными; односложные же слова — альфу и омегу всего учения о китайском слове западноевропейских синологов — Поливанов называл фонетической, лексической и морфологической аномалией.³¹

Отказ от моносиллабической концепции китайского слова составляет характерную особенность взглядов на китайский язык и тех советских китаистов-лингвистов, которые работают в наши дни. Об А. А. Драгунове мы уже говорили. Его работа о частях речи в китайском языке³² свидетельствует об этом. Своим путем к обоснованию многосложного слова в китайском языке пришел в своей докторской диссертации «Слово и часть речи в китайском языке» и И. М. Ошанин. О многосложном слове в китайском языке он говорит с первой же главы своей работы. Проследившая исторический путь китайского слова, И. М. Ошанин, подобно Поливанову, считает двухсоставное слово («бином» по его терминологии) нормой словообразовательной морфологии. В дальнейшем И. М. Ошанин рассматривает процесс развития суффиксации, превращающей двухсложное слово во многосложное. Видит в китайском языке слово так, как оно есть, и Н. Н. Коротков, учитывая тем самым и многосложность, и суффиксацию³³. Фиксирует многосложные слова в своем китайско-русском словаре и В. С. Колоколов. На позиции отказа от универсальности закона моносиллабичности стоит и Б. К. Пашков. Таким образом, можно считать, что основные работники советского китаеведения в области изучения языка, опираясь на давно сложившуюся у нас традицию, выработали научно правильное отношение к китайскому слову, в то время как в зарубежной синологии появляются лишь первые работы, представляющие отход от взгляда на китайский язык как на моносиллабический. Так, в 1934 г. во Львове вышла работа польского лингвиста Д. Карра, о позиции которого в интересующем нас вопросе можно судить по заглавию работы: «О полисиллабизме современного китайского национального языка»³⁴. В 1942 г. вышла работа австрийского синолога Ростхорна, в которой автор утверждает, что «нынешний обиходный язык» едва ли может быть назван моносиллабичным³⁵.

³¹ Е. Д. Поливанов, Указ. раб., стр. 6—10.

³² А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, М.—Л., 1952.

³³ Это видно хотя бы из его работы «Проблема частей речи и генезис наречий с суффиксом *жань* в китайском языке», Труды Московского института востоковедения, вып. 3, 1946.

³⁴ Denzel Carr, The polysyllability of the modern chinese national language, «Rocznik Orientalistyczny» т. X, 1934.

³⁵ A. V. Rothorn, Studien zur chinesischen Lautgeschichte, Wien, 1942.

Положение о моносиллабичности китайского слова оказывается несостоятельным еще по одной существенной причине: моносиллабичность несовместима с силовым слоудоударением, а такое ударение в китайском языке существует.

На наличие силового ударения указывали многие синологи еще в старое время. Силовое ударение учили все лучшие учебники китайского языка. Арендт в своем учебнике сделал попытку даже установить правила такого ударения. Подробную разработку этих правил мы находим в учебнике П. П. Шмидта³⁶. Научное освещение этого явления дал Е. Д. Поливанов. Вопросам экспираторного ударения много внимания уделяет И. М. Ошанин³⁷. Можно сказать, что существование силового ударения в китайском слове в настоящее время есть факт общепризнанный. В таком случае столь же несомненным должно быть признано существование в китайском языке многосложного слова.

Открытие в китайском слове силового ударения имело, однако, еще одно серьезное последствие: оно затронуло и объяснение китайских тонов. В цитированной выше работе Карлгрен, говоря о тонах, замечает: «В связанной речи голосовая мелодия выступает только в словах, стоящих под эмфазисом, неударенные слова со стороны тонов нейтральны»³⁸. В «Грамматике китайского языка» Поливанов писал: «Обязательно осуществляемой мелодической характеристикой обладают лишь ударенные слоги. Неударенные (и следовательно, слоги аффиксальные прежде всего) произносятся с нивелировкой мелодической характеристики, и присущий данному слову „тон“ фактически утрачивает свои отличительные признаки»³⁹.

Положение о связи тона с силовым ударением следует считать отражающим действительную картину языка. Но из него следует вывод: смысловоразличительную роль тон играет не сам по себе, а только совместно с силовым ударением и благодаря ему. Иначе говоря, смысловоразличительные функции тона несамостоятельны.

На это можно возразить: это — справедливо, но справедливо для многосложных слов; в китайском же языке есть и односложные слова; силового ударения в них — по крайней мере в изолированной позиции — нет, тон же существует, а именно по тону в этих случаях и различаются по смыслу слова с одинаковым звуковым составом. В ответ на такое возражение можно указать прежде всего на то, что в связанной речи и односложное слово может нести на себе силовое ударение, поскольку в речи слова, примыкающие друг к другу и связанные между собой синтаксически, могут составлять в смысле ударения единый комплекс и ударение в этом комплексе может пасть на односложное слово, в него входящее. В таком случае тон проявится в нем на общем основании: благодаря павшему на него силовому ударению.

Однако, как нам представляется, можно подойти к тону в односложном слове и с другой стороны.

В языкознании уже давно обращено внимание на то, что тон, т. е. голосовая мелодия, связан с произношением гласных в составе слога. Это произношение может затрагивать количественную сторону гласных — их краткость или долготу. Наблюдения над китайскими тонами позволяют видеть в них именно эту сторону: например, первый тон, так называемый

³⁶ П. П. Ш м и д т, Опыт мандаринской грамматики, Владивосток, 1915, стр. 105—110.

³⁷ И. М. О ш а н и н, Слово и часть речи в китайском языке (докторская диссертация, рукопись), 1946, § 123, 125, 131, 140, 162, 164, 165.

³⁸ K a r l g r e n, Указ. раб., стр. 8.

³⁹ Е. Д. П о л и в а н о в, Указ. раб., стр. 190—191.

«ровный», можно воспринимать как долготу слога, второй тон — как его краткость.

Но не только с одной долготой или краткостью можно связывать китайский тон. Если мы вслушаемся, как произносится, например, *шуй* ² «кто» и *шуй* ³ «вода», то услышим первое слово как *шуй*, второе же как *шуйэй*; создается впечатление, что изменение тона фактически выразилось в качественном изменении звукового состава слога. Наконец, обращает на себя внимание и такое явление: например, слово *чжан* «расти» — третьего тона, а *чан* «длинный» — второго. Изменение тона здесь сопровождается изменением начального согласного; поэтому, может быть, лучше говорить о другом — о том, что изменение тона в данном случае и есть, в сущности, изменение согласного?

Мы не можем здесь разбирать этот очень сложный вопрос. Ограничимся только указанием на то, что в китайских тонах, по нашему мнению, следует видеть не только голосовую мелодию, но и элемент характеристики состава слога, и это последнее прежде всего. На эту мысль наводит и тот факт, что тоном считается и так называемый «входящий тон» (*жушэн*), пятый по счету, но характеристика этого тона говорит именно о составе слога, а не о голосовой мелодии: пятый тон означает просто слоги с конечными *к*, *п*, *т*. И сейчас в тех диалектах, где этот пятый тон исчез, т. е. исчезли конечные *к*, *п*, *т*, на их месте появилась гортанная смычка, т. е. явление, характеризующее не мелодию голосового тона, а качественную сторону звукового состава.

Итак, односложность должна быть исключена из числа обязательных признаков китайского слова. Вообще нет никаких оснований устанавливать отдельные типы слов по признаку количества слогов в нем. Лишь факультативным признаком его является и тон. Действительно обязательными признаками слова в китайском языке являются: для любого слова — тот или иной звуковой состав и известная способность к морфологизации; для многосложного слова к этому присоединяется еще наличие экспираторного ударения, могущего соединяться с определенной голосовой мелодией (тоном).

Оценка китайского слова как моносиллабического держалась в науке столь упорно и долго прежде всего в связи с тем, что существовал традиционный подход к каждому многосложному китайскому слову, как к *composita*. При этом упорно не учитывали, что под *composita* следует понимать слова типа русского *мореплавание*, т. е. слова, в которых каждый составной элемент является носителем вещественного значения и обычно может быть отдельным самостоятельным словом. Очень многие китайские многосложные слова никак не могут быть расчленены на такого рода знаменательные элементы. Таковы, например, слова типа *фаньца* «дом», *маоцза* «шапка», *пуцза* «лавка», *ицза* «стул», *чуаньцза* «окно», *наньцзы* «мужчина», *лаотоуцзы* «старик», *сюхайцзы* «ребенок». Знаменательным элементом в этих словах является первый слог или первые два слога в каждом из них, что же касается конечного *цза* (*цзы*), присутствующего в каждом из них, то этот элемент не несет на себе никакого вещественного значения и служит лишь средством образования предметных слов определенной категории. Поэтому подобные слова состоят не из двух знаменательных элементов, а из одного, который служит в них корнем, и добавленного к корню суффикса.

Из корня и суффикса *тоу* слагаются слова типа *шитоу* «камень», *митоу* «дерево», *гуттоу* «кость»; из корня и суффикса *р* слагаются слова типа *чжор* «стол», *фыр* «ветер», *таор* «персик», *дифар* «место»; из корня и суффикса *чжэ* составлены слова типа *сюэчжэ* «ученый», *дигочжуйчжэ* «империалист», *цзюньгочжуйчжэ* «милитарист», *тунсинчжэ* «спутник»;

из корня и суффикса *ды* состоят слова типа *шошуды* «рассказчик», *ганьчэды* «извозчик»; *табеды* «особенный», *цэхуйды* «общественный», *чэжицзеды* «непосредственно», *цзяньцзеды* «косвенно»⁴⁰; из корня и суффикса *жань* слагаются слова типа *цзыжань* «естественно», *гужань* «случайно», *тужань* «внезапно» и т. п.

Слов такого морфологического типа, т. е. составленных из корня и суффикса, в китайском языке очень много, и никто из серьезных синологов не спорит о том, что *ца* (*цзы*), *тоу*, *р*, *чжэ*, *ды*, *жань* и им подобные элементы являются словообразовательными суффиксами, не имеющими ни самостоятельного значения, ни самостоятельного употребления.

Однако число таких суффиксов для современного языка должно быть сильно увеличено. Если мы возьмем такие слова, как *хуацзя* «художник», *ишуща* «артист», *цзоцзя* «писатель», *гунгьецзя* «промышленник», то вряд ли возможно конечный элемент в них, т. е. *цзя*, рассматривать иначе, как суффикс. Есть слово *цзя* со значением «семья», «дом», но если даже и считать, что элемент *цзя* в приведенных словах восходит к этому слову, то в этих словах он уже полностью утратил свое самостоятельное значение и превратился в формальный элемент — суффикс для образования слов определенной категории. Мы должны признать его не только суффиксом, но еще и одним из самых продуктивных для современного языка словообразовательных суффиксов, так как слов приведенного типа в современном китайском языке очень много.

Трудно признать чем-либо иным, как суффиксом, и элемент *хуа* в таких словах, как *гунгьехуа* «индустриализация», *гоюхуа* «национализация», *хэлихуа* «рационализация». Есть слово *хуа* со значением «превращение», и несомненно элемент *хуа* в приведенных словах восходит к нему, но роль *хуа* в этих словах свидетельствует о том, что из этого слова развился один из словообразовательных суффиксов. Кстати говоря, суффиксальная природа этих *цзя* и *хуа*, как и предыдущих *ца*, *тоу* и т. д., видна и из того, что они никогда не бывают носителями ударения; оно падает всегда на корневую часть слова.

Следует сказать, что таких суффиксов в современном языке можно обнаружить много, что и подкрепляет общее положение, что слова, состоящие из корня (односложного или многосложного) и суффикса, составляют в китайском языке один из очень распространенных морфологических типов лексики.

Существует далее много слов, в которых конечный элемент если и не совсем превратился в суффикс, то стоит на пути к этому. Таков, например, элемент *жэнь* в таких словах, как *наньжэнь* «мужчина», *нюйжэнь* «женщина», *гунжэнь* «рабочий», *шанжэнь* «торговец», *цзюньжэнь* «военный», *тунмоужэнь* «сообщник» и т. п. Различное значение этих слов определяется различием первого их элемента, второй же элемент *жэнь* в них один и тот же и определяет характер категории данных слов. Его роль близка к той роли, которую играет, например суффикс *-ик* в русском *плотник*, *булочник*, *мельник*, *шорник* и т. п. Различие между русским *-ик* и китайским *жэнь* в том, что *жэнь* может быть отдельным словом со значением «человек», так что приведенные слова являются как бы сочетанием двух знаменательных слов: *мужчина* (*нань*)-человек (*жэнь*), *работа* (*гун*)-человек (*жэнь*) и т. д. Конечно, для китайца *жэнь* в этих словах как-то связывается со своим собственным значением, но очень большое количество таких слов должно было сильно ослабить, если не свести к нулю ощущение этого самостоятельного значения. Правильнее будет считать, что *жэнь* в подобных

⁴⁰ Суффикс *ды* в различных группах этих слов неоднороден.

случаях такой же суффикс, каким считается немецкое *mann* в таких словах, как *Edelmann*, *Amtmann*, *Hauptmann* и т. п.

Можно наметить целый ряд подобного рода суффиксов или слов, стоящих на самом пороге превращения в суффиксы. Приведем лишь некоторые:

а) *син* «природа, характер» в словах типа *цзецзисин* «классовость», *сяньшисин* «действительность», *чжунъяосин* «важность», *чжэньлисин* «истинность» и т. п.;

б) *синь* «сердце, чувство» в словах типа *айлянсьинь* «жалость», *тунцинсинь* «сочувствие», *таньчаньсинь* «жадность», *цючжисинь* «любопытность» и т. п.

в) *ши* «благородный человек» в словах типа *цзиши* «техник», *бинши* «солдат», *бяньхуши* «адвокат» и т. п.

г) *сюэ* «наука» в словах типа *хуасюэ* «химия», *улисюэ* «физика», *шэнлисюэ* «физиология» и т. п.

д) *чжюи* «убеждение, принцип» в словах типа *гунчаньчжюи* «коммунизм», *дигочжюи* «империализм», *шэхуйчжюи* «социализм» и т. п.

Таким образом, в китайском языке существует очень большое количество многосложных слов, составленных не из равноценных знаменательных элементов, а из сочетания корня и суффикса.

Есть, конечно, слова — и их очень много, — которые составлены из одних знаменательных элементов и заслуживают отнесения их в разряд *composita*, т. е. слова типа русского *мореплавание*. Таково, например, слово *шию* «нефть» (*ши* «камень», *ю* «масло») или слово *шэнгинь* «голос» (*шэн* «голос», *инь* «звук»). Бывают случаи, что составные элементы таких слов могут существовать и как самостоятельные отдельные слова. Но существование русских слов *море* и *плавание* не устраняет самостоятельного существования в качестве отдельного слова и *мореплавание*.

Так обстоит дело со словами, разложимыми на морфемы. Но есть слова, которые вообще никак разложить нельзя. Таковы, например, слова *жуго* «если», *цзюши* «значит; не что иное, как»; никакому удовлетворительному морфемному анализу они не поддаются.

Итак, концепция моносиллабичности слова современного китайского языка возникла из непонимания морфологической природы слова, из непонимания историчности путей его развития. А к чему такая концепция может привести, свидетельствует тот вывод, который сделал из нее Масперо — крупнейший синолог Франции, ярый сторонник моносиллабизма китайского слова. Считая под влиянием этой концепции, что каждый иероглиф обозначает отдельное слово (что неверно даже для старого китайского языка), он утверждает: «Китайский язык по богатству далек от языка французского или английского, в словарях не бывает более 45 000 слов, иначе — 45 000 иероглифов, что не составляет и половины числа слов, содержащихся в словарях французского и английского языков»⁴¹. Мы противопоставляем этому утверждению другое, прямо противоположное: по числу слов китайский язык принадлежит к числу самых богатых языков мира.

6

Фактический материал свидетельствует о несостоятельности и второго положения, которым обычно характеризуют китайский язык: положения об его аморфности.

Рассмотрим сначала вопрос об аморфности слова, взятого само по себе, в том его виде, в котором оно, по выражению И. В. Сталина, является

⁴¹ N. M a s p e r o, La langue chinoise. Conférence de l' Institut de linguistique de Université de Paris, 1934, стр. 58.

строительным материалом для языка. Представляется ли этот строительный материал чем-то бесформенным?

Мы уже видели, что в современном китайском языке широко и разнообразно представлены слова, состоящие из корня (односложного или многосложного) и какого-нибудь суффикса. Таковы, например, слова *даоцза* «нож», *сяохайцза* «ребенок», *мutoу* «дерево», *шитоу* «камень», *таор* «персик», *шихоур* «время», *цзочжэ* «автор», *учаньчжэ* «пролетарий», *вайцзяоцзя* «дипломат», *цзыбэньцзя* «капиталист» и т. д. Единство целого поддерживается словесным ударением, падающим на корневую часть. Нельзя отрицать, что подобные слова обладают вполне определенной морфологической структурой.

Существуют слова, состоящие из корня и префикса. Таковы, например, слова, составленные из корня и одного из префиксов отрицания — *у* и *бу*: *ушуды* «бесчисленный», *утяоцзяньды* «безоговорочный», *буганьшэ* «невмешательство», *буиндэн* «неравенство». Таковы слова, составленные из корня и префикса *цзун* «общий»: *цзунлиньши* «генеральный консул», *цзунбагун* «всеобщая забастовка». Таковы слова, составленные из числительного и префикса *ди*, образующего порядковые: *диш* «первый», *диго* «пятый». Таковы слова с префиксом *фань* (русское *контр*-, *анти*-): *фаньцун* «контрнаступление», *фаньгэмин* «контрреволюция», *фаньжэньминьды* «антинародный». Таковы слова с префиксом *цин* (русское *про*-): *цинфасисыды* «профашистский».

Следует сказать, что категория префиксов в китайском языке еще более сложна, чем категория суффиксов: как и в области суффиксов, в области префиксов существуют лексические элементы, являющиеся вполне законченными префиксами, но есть и такие, которые еще только стоят на пути превращения в префиксы. Однако и приведенных примеров достаточно для того, чтобы считать слова, состоящие из двух морфем — корня и префикса, спаянных при этом единым словоударением, падающим на корневую часть, — обладающими четко выраженной морфологической структурой.

Само собой разумеется, что могут быть слова, состоящие из корня с префиксом и суффиксом, как, например, *фаньгэминчжэ* «контрреволюционер»; корень в нем — *гэмин* «революция», префикс — *фань* «контр», суффикс — *чжэ* (суффикс лица, деятеля); *фаньжэньминьды* «антинародный»; корень в нем — *жэньминь* «народ», префикс — *фань* «анти», суффикс — *ды* (суффикс прилагательных).

Большое место в современном языке занимают двухсоставные слова, представляющие соединение двух знаменательных морфем. Таковы, например, слова: *тайян* «солнце», *дяньхуа* «телефон», *сецзы* «писать», *каньшу* «читать», *даолу* «дорога», *синьку* «горький», *каньцзянь* «видеть». В этих словах каждый из компонентов имеет самостоятельное значение: *тайян* «солнце» состоит из *тай* «большой» и *ян* «свет», *дяньхуа* «телефон» — из *дянь* «электричество» и *хуа* «разговор», *сецзы* «писать» из *се* «писать» и *цы* «перо, перо, перо», *каньшу* «читать» — из *кань* «смотреть» и *шу* «книга», *даолу* «дорога» — из *дао* «путь» и *лу* «дорога», *синьку* «горький» из *синь* «крешкий, острый» и *ку* «горький», *каньцзянь* «видеть» — из *кань* «смотреть» и *цзянь* «видеть». Все эти компоненты не только имеют самостоятельное значение, но и могут употребляться самостоятельно, как отдельные слова. Вместе с тем они входят в очень большое число сложных слов, так что составляют в точном смысле слова корневые слова. Соединение таких слов-корней в одно целое происходит на различной основе: в одних случаях мы имеем соединение определения с определяемым, таковы, например, слова *тайян* «солнце», *дяньхуа* «телефон»; в других случаях — соединение глагола с дополнением, таковы, например, *сецзы* «писать», *каньшу* «читать»;

в третьем случае — соединение двух равноправных элементов, таковы, например, *дѣолу* «дорога», *сѣньку* «горький», *кѣньцзянь* «видеть». Единство подобных слов основано на их самостоятельном смысле, являющемся как бы производным от смысла обоих компонентов, но вместе с тем оно строится на определенном порядке этих компонентов в составе целого, порядке, зависящем от их внутренних взаимоотношений, осмысляемых в синтаксическом плане: определение впереди определяемого, дополнение после глагола; единство может поддерживаться и голосовой мелодией, как это бывает при равнозначности компонентов. Кроме всего этого, важнейшей основой единства целого является ударение, имеющее при этом свое определенное место в каждом из таких типов: при типе *тѣйян* «солнце» т. е. при соединении определения с определяемым, ударение падает на первый слог; при типе *сецзѣ* «писать», т. е. при соединении глагола с дополнением, — на второй слог; при типе *дѣолу* «дорога», т. е. при соединении равнозначных компонентов, — на первый слог. Все это заставляет видеть и в подобного рода словах наличие вполне определенной морфологической структуры.

Советское китаеведение уделило этой категории слов очень большое внимание. Подобные слова подробно рассмотрены в указанных работах Е. Д. Поливанова ⁴² и И. М. Ошанина ⁴³. Е. Д. Поливанов назвал такие слова «элементарной инкорпорацией», И. М. Ошанин — «синтетическим словом», или «биномом». При этом и тот и другой автор в список инкорпораций, или биномов зачисляют не только слова приведенных типов, но и некоторые другие типы. Мы не будем здесь входить в обсуждение, насколько правильными такие наименования; мы предпочли бы называть такие слова просто сложными словами, образованными по способу словосложения. Равным образом для нашей цели не требуется разбор всех возможных типов подобных слов, тем более, что указанные выше являются наиболее продуктивными. Нам важно лишь показать, что и такие слова имеют свою определенную морфологическую структуру.

Таким образом, две очень большие группы слов китайского языка — слова, состоящие из корня и аффикса, и слова типа *composita* — отнюдь не аморфны.

К указанным типам китайской лексики мы должны добавить еще слова, представляющие лексикализацию грамматических форм. Таковы, например, слова, восходящие к аналитической форме потенциального залога глагола: *сяо* «смеяться», *кэ сяо* «можно смеяться», *кэсяоды* «смешной»; *сяньму* «завидовать», *кэ сяньму* «можно завидовать»; *кэсяньмуды* «завидный». Как видно из этих примеров, элементом, превращающим глагольную форму в особое слово, является суффикс *ды*, характерный для прилагательных и причастий. Такого рода лексикализация может встречаться и в отрицательных формах потенциального залога: *кэфу* «победить», *бука кэфу* «нельзя победить», *букэкафуды* «непобедимый»; *биянь* «избегать», *бука биянь* «нельзя избегать», *букэбияньды* «неизбежный». Лексикализуются могут и формы страдательного залога — синтетические, например, *цзюйлю* «задерживать», *бэйцзюйлю* «быть задержанным», *бэйцзюйлюды* «задержанный, арестованный», и аналитические, например, *ячжи* «угнетать», *шоу ячжи* «быть угнетенным», *шоуячжиды* «угнетенный». Нам кажется, что примеры лексикализации грамматической формы можно обнаружить и у существительных.

Остается сказать только о словах односложных.

⁴² Е. Д. Поливанов, Указ. раб., ч. IV, стр. 238 и след.

⁴³ И. М. Ошанин, Слово и часть речи в китайском языке, гл. IV, стр. 215 и след.

Таких слов в китайском языке много. Даже в вышеприведенном небольшом отрывке из работы Мао Цзэ-дуна мы находим такие односложные слова, как *яо* «хотеть», *хо* «или», *бянь* «то», *чжи* «только», *ю* «быть», *юй* «в», *хэ* «и», *ло* «падать», *цзянь* «плечо». При этом, как было отмечено выше, такие слова могут быть существительными, глаголами, союзами, предложениями, короче говоря, — любой из тех частей речи, которые можно найти в китайском языке. Про такие слова, конечно, нельзя сказать, что они обладают какой-нибудь определенной формой. Но это относится к ним только в их «словарной» форме и притом исключительно к союзам и предложениям. Что же касается существительных и глаголов, то стоит лишь проследить их «поведение» в связной речи, как дело меняется: и существительные и глаголы получают в предложении свои собственные и отчетливо выраженные формы. Так, существительное имеет формы падежей: синтетические, как, например, *цяо* «мост» — *цяоды* «моста», и аналитические, например, *би* «кисть» — *юн би* «при помощи кисти, кистью»; глаголы имеют формы спряжения: синтетические, например, *лай* «приходить» — *лайла* «пришел», и аналитические, например, *яо лай* «приду» и т. д. Следовательно, и такие слова нельзя считать аморфными. Единство целого в этих случаях подкрепляется одним словоударением.

Приведенные примеры, как нам кажется, могут показать несостоятельность положения об аморфности китайского слова как такового, как строительного материала языка. Слова делятся на группы, каждая из которых представляет свой собственный структурный морфологический тип. Но эти же примеры свидетельствуют и о другом: о том, что эти слова распадаются на определенные лексико-грамматические категории. А это означает, что мы можем говорить о частях речи в китайском языке.

Вышеизложенное дает возможность установить, какими признаками может определяться лексико-грамматическая природа китайского слова. Одним из важнейших таких признаков является аффиксация. Мы видели, что наличие у слов некоторых суффиксов прямо указывает на принадлежность их к той или иной лексико-грамматической категории; такую роль играют, например, суффиксы *ца*, *тоу*, *р*, *чжэ* и т. д., которые указывают, что данное слово относится к категории существительных; наличие суффикса *жань* указывает на принадлежность слова к категории наречий.

Там, где таких признаков нет, морфологически различительную роль играет ударение. Мы видели, например, что наличие в сложном слове ударения на последнем слоге указывает на принадлежность его к глаголам, на первом слоге к существительным: *сецзы* «писать», *тайян* «солнце».

Определять принадлежность той или другой категории может и тон, получающий в этом случае морфологическое значение; например, *хао* под третьим тоном — прилагательное «хороший», *хао* под четвертым тоном — глагол «любить». Если согласиться с предложенным выше пониманием тона не только как голосовой мелодии, но и как определенного звукового состава слога, в таких случаях возможно видеть явление внутренней флексии.

Если у слова нет ни одного из перечисленных признаков, его принадлежность к той или иной категории выясняется из наличия у него грамматических форм — тех, которыми обладают слова определенной категории.

Определять принадлежность слова к той или иной категории может и употребление данного слова в предложении с тем или другим видом служебных слов.

Наконец, одним из важных признаков лексико-грамматической категории является и синтаксический признак: способность без всяких особых показателей выступать в предложении в определенной синтаксической позиции.

Разумеется, все эти средства различения лексико-грамматических категорий соединяются со смысловым — с характером значения данного слова.

Советская синология признает существование в китайском языке частей речи. О них говорят в своих работах А. А. Драгунов, Н. И. Коротков, И. М. Ошанин, Б. К. Пашков. Последнюю к настоящему времени разработку этого вопроса дал А. А. Драгунов в своей работе «Исследования по грамматике современного китайского языка». Не подлежит сомнению, что эта работа представляет в настоящее время наиболее полное и научно аргументированное определение и описание частей речи в китайском языке. Но советские синологи хорошо оценили и значение наличия в китайском языке частей речи. Например, А. А. Драгунов считает, что «лексико-грамматические категории лежат в центре грамматической системы, отражаясь и в построении словосочетания и в разных типах предложений. Вне этих категорий нельзя понять структурных особенностей китайской речи и было бы невозможно излагать грамматику китайского языка»⁴⁴.

Эти слова справедливы. Можно сказать коротко: наличие частей речи в китайском языке предreshает вопрос о существовании в нем грамматики.

Как ни элементарна эта истина, о ней все же приходится говорить, ибо пресловутая концепция аморфности китайского языка вызвала к жизни утверждение об отсутствии в китайском языке грамматики. Мы не будем приводить здесь соответствующих высказываний многочисленных представителей западноевропейской синологии. Приведем лишь слова уже не раз цитированного нами Карлгрена, который даже в 1949 г. смел возможным писать, что китайская грамматика весьма скудна и в основном сводится к правилам порядка слов в предложении и к функциям некоторого количества служебных слов⁴⁵. Для нас такая точка зрения — настолько давно пройденный этап китаеведения, что даже как-то странно вновь обнаружить ее в работе авторитетного китаеоведа.

Грамматика в китайском языке существует. Мы можем утверждать это даже а priori. И. В. Сталин назвал слова строительным материалом для языка. Но сам этот строительный материал, как указал И. В. Сталин, не составляет здания. Здание нужно построить, а это значит соединить слова в предложения. Но можно ли строить здание из хаотического, бесформенного материала?

Здесь мы не можем излагать грамматику китайского языка. Скажем лишь, что морфология этого языка располагает целым ассортиментом разнообразных средств выражения форм слова — и синтетических и аналитических.

Приведем несколько примеров. Синтетической формой выражается множественное число многих местоимений и некоторых существительных: *во* «я», *вомынь* «мы», *та* «он», *тамынь* «они», *тунчжи* «товарищ», *тунчжымынь* «товарищи»; прошедшее время глагола: *дася цзичу* «заложить основы», *дасяла цзичу* «заложил основы», *цуйдэ вэньдин* «добиться стабилизации», *цуйдэла вэньдин* «добился стабилизации»; форма продолжающегося действия: *цзиньсин* «продвигать», *цзиньсинчжо цзяньшэ* «ведет строительство»; форма страдательного залога: *да* «бить», *бэйда* «быть побитым» и т. д.

Аналитической формой выражается дательный падеж имени существительного: *та* «он», *эй та* «ему»; творительный падеж: *даоцза* «нож», *юн даоцза* «ножом»; будущее время глагола: *пэйцзянь* «потерпеть убыток», *яо пэйцзянь* «потерпит убыток» и т. д.

⁴⁴ А. А. Драгунов, Указ. раб., стр. 9.

⁴⁵ Карлгрен, Указ. раб., стр. 68.

Синтаксис располагает своим ассортиментом средств. Перечислим некоторые из них:

Во-первых, расположение слов в предложении: как правило, подлежащее ставится до сказуемого, определение перед определяемым, обстоятельство перед глаголом; дополнение ставится после глагола.

Во-вторых, использование тех форм слова, которые служат для выражения отношения этого слова к другим, как, например, форма падежей существительного.

В-третьих, использование служебных слов, например, предлогов: *цзоу* «идти», *сян* «к», *фаньжун* «процветание», *цзоу сян фаньжун* «идти к процветанию».

В-четвертых, групповое оформление ряда связанных между собой по смыслу и примыкающих друг к другу слов, представляющих в совокупности как бы один член предложения; например: *цзыцзи* «свой», *линсю* «вождь», *чжусиды* «председателя», *линдао* «руководство», *цзыцзи линсю Мао Цзэ-дун чжусиды линдао*, т. е. «руководство своего вождя — председателя Мао Цзэ-дуна».

В-пятых, обрамление слова или группы слов, образующих в предложении в целом определенный его член, с предлогом впереди и послелогом позади, например: *цзай* «в», *цюаньго* «вся страна», *фаньзэй* «предел», *нэй* «в», *цзай цюаньго фаньзэй нэй* «в пределах всей страны».

В-шестых, обрамление слова или группы слов составными частями управляющего ими глагола, в этом случае как бы расщепляющегося, например, *цзи* «съесть», *жэнь* «кого-нибудь»; *бэй безжэнь цзила* «быть кем-нибудь съеденным» (*бэй* — отделившийся префикс страдательного залога).

Есть и другие приемы, которых мы здесь не приводим.

Итак, грамматика китайского языка имеет и свою морфологию и свой синтаксис — как два самостоятельных, но, конечно, связанных друг с другом раздела. Об этом также нужно сказать со всей решительностью, так как даже у нас обнаруживались тенденции растворения морфологии в синтаксисе.

Приведем общую оценку грамматического строя китайского языка, данную Карлгреном: «Грамматика китайского языка фактически очень бедна. Это — главным образом правила об относительном расположении слов в предложении и в добавление к этому функции некоторого числа вспомогательных грамматических слов. Все, что в наших грамматиках относится к склонению или спряжению и к правилам словообразования, почти полностью отпадает. То обстоятельство, что китайский язык обходится без употребления специфических признаков, как, например, изменения корня или разного рода окончания, для указания на то, какая часть речи имеется в виду или какое число или падеж — по отношению к существительным, или время или наклонение — по отношению к глаголам, — это обстоятельство делает язык необыкновенно сжатым и бедным. Нам гораздо труднее, чем в нашем родном языке, найти при помощи obligatory и поддающихся анализу указаний более точное значение слов и их функции в предложении. Этот недостаток ясных *formantia* предъявляет большие требования к нашей способности угадывания и в этом-то и состоит наибольшая трудность китайского языка»⁴⁶.

Мы должны противопоставить этим словам Карлгрена совсем другие положения:

1. Современный китайский язык, национальный язык китайского народа, отличается исключительным богатством своего словаря.

⁴⁶ Karlgren, Указ. раб., стр. 68.

2. Этот словарь состоит из морфологически оформленных слов, причем их оформление демонстрирует и многочисленность и разнообразие средств этого оформления.

3. Слова китайского языка распадаются на определенные лексико-грамматические категории, охватывающие все необходимые для языка понятия: при этом эти лексико-грамматические категории имеют свое специфическое оформление.

4. Слова, соединяясь в речи, раскрывают свои грамматические формы, обнаруживая при этом богатство и разнообразие таких форм — и по их характеру и по их значению.

5. Синтаксический строй китайского языка обладает своими точными законами, в которых находит свое выражение любое соотношение слов и групп слов в предложении.

6. Этот чрезвычайно развитый словарный состав и грамматический строй языка делают возможным выражение любой мысли народа, стоящего на самой высокой из достигнутых ступеней цивилизации.

*

В заключение скажем следующее.

Ошибочная концепция моносиллабности и аморфности китайского языка, долгое время господствовавшая в синологии, принесла ей большой вред: вызвав «теорию» отсутствия в китайском языке грамматики, она тем самым долгое время мешала научной разработке этой грамматики.

Эта ошибочная концепция проникла и в общее языкознание и тем самым широко распространяла среди лингвистов неправильный взгляд на китайский язык.

Н. Я. Марр, заимствовавший свой взгляд на китайский язык из этого источника, сделал эту ошибочную концепцию одним из оснований своей в корне ложной схемы о стадийном развитии языков.

К счастью, советская синология не шла по этому пути, с самого начала в лице своих лучших представителей установив правильную точку зрения на китайский язык. Это и дало ей возможность научно плодотворно работать над его изучением.
